

Виталий Фоменко

*Прекрасная пора,
очей очарованье...*

Виталий Фоменко
**Прекрасная пора,
очей очарованье...**

<https://litres.ru/74514859>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем, тот будь безумным, чтобы быть мудрым. Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом».

(Первое послание к Коринфянам 3:18-23)

Содержание

Гравити <...>	5
...лайф	39
#crazyUnicorn	53
Зеркало <...>	66
← look back	95
Конец ознакомительного фрагмента.	122

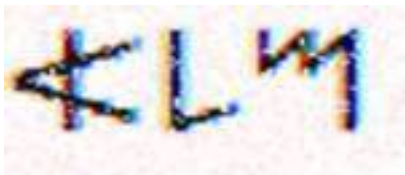
Виталий Фоменко

Прекрасная пора, очей очарованье...

«Если кто из вас думает быть мудрым в веке сем,
тот будь безумным, чтобы быть мудрым.

Ибо мудрость мира сего есть безумие перед Богом».
(Первое послание к Коринфянам 3:18-23)

Гравити <...>

{Самое сложное — транслировать по алголу.

Переводя в него верты.

В этом больше всего чувствуешь

несовершенство комьюнити —

в его эйджейле.

Слова по алголу — неестественны, вычурны, вне модерна:

понимаешь, что

наш мир таким способом полноценно невыразим.

Но промты выставлены — нужно их решать ...exes }

С чего начать? Начну с того, что Раиса — белая девушка, вся в веснушках. Редкая порода. Её исключительность ещё и в том, что она вроде бы верус. Хотя кто знает... Нет, не хочу даже об этом думать. Главное, что она мне нравится.

У неё молочная кожа и яркий блонд волос с подчёркнутой по контуру золотой чёлкой. Волосы ниспадают по кажущим-

ся хрустальными плечам и завиваются чуть пониже лопаток. И, конечно же, веснушки — рыжая пыльца по лицу. Очаровашка, Ра словно усыпана ими! Вся — как будто ромашковая. Такими сейчас не рождаются. Или рождаются очень редко. В модах кастомизации. Хотя я и гоню от себя эти мысли.

Сама она гордится своим обликом: в общении не допускает ни малейших сомнений в своей естественности (так по алголу) и, если кто-либо случайный позволяет их, эти сомнения, сразу очерчивает между собой и сомневающимися круг негласного отторжения. Просто отключает коннект. Для неё это важно.

Я воображаю Ра в виде ромашки, а вот мой прадед, когда видит её спускающуюся в лифте, зовёт Ириской. Раиска — ириска. Были в его детстве такие конфеты — сладкие и тягучие, которые, по его словам, вязли в зубах. И вправду, Рая прилипчивая, ведь её образ не идёт у меня из головы.

Прадед знает толк в натуральных вещах. Он родился до социобионической революции, пережил две транснациональные войны, времена Великого миграционного исхода и три пандемии. А это достижение: после второй войны не стало моего деда — его сына, а в третью пандемию исчез мой отец. По крайней мере, это то, что мне о них известно. Прадед же, несмотря на то что высох, словно его до срока мумифицировали, пережил добрую половину рода, и, судя по всему, пережил бы и меня — своего правнука... или праправнука. Х-ха... Мой прадед тот ещё артефакт и большой тролл!

Но не о нём пока речь. Речь о Ра. Прадед признает её за натуральную величину. Так и говорит мне:

— Присмотрись, дельная ебх-ячейка фруктификации для продолжения рода. Я их ещё чувствую нутром! Меня-то не обманешь!

Дедуля вроде как искренне желает мне добра — я это понимаю. Из всех его правнуков он почему-то ценит больше всего меня. Точнее — стал ценить с недавних пор. Даже не знаю почему. Наверное, потому что Гера, мой двоюродный брат, — отпрыск его внука, женившегося на сертифицированной женщине, родился по репродуктивной лицензии и принадлежит не семье, а цивили-ювенальному реестру. И на его редемпт у семьи нет прав. Впрочем, нет, как я понимаю, и желания. Посему Гера обречён по достижении совершеннолетия стать под цивитас-контроль и выполнять предписания министерства судеб.

{Так всё это называется —

по крайней мере, комьюнити именно так транслитерирует верты в слова по алголу ...ехес}

Хотя — почему обречён? Вроде всё в эйфах: вроде бы Геру повезло, но моему прадеду такие наследники не нужны — мой натуральный прадед ещё живёт прошлым. И если не ирисками из детства, то, по крайней мере, теми временами, когда люди могли прикоснуться друг к другу, не разбираясь в юридических последствиях такой тактильной свободы.

{Это его слова ...ехес}

А вот чем не приглянулась дедуле моя старшая двоюродная сестра Сусанна — ума не приложу. Такая же высокая и худая, как и он, такая же безглиявая. Тоже заедаётся аддитивами. Такая же вроде бы верусная. При всём — рождённая не по кастомной лицензии. Как я предполагаю, он не воспринимает её за отсутствие воображения. Сусальный андроид какой-то эта Сусанна, фальшивая — говорит. В стену уткнувшийся ровер. Жертва брейнрота. Для него воображение в человеке entry point — скрипт точки входа. Оно, точнее его наличие или отсутствие, и есть тот триггер, как он выражается, благодаря которому определяются синтетические натуры.

{Синтетические натуры... опять алгол не совсем уместен, но иной расшифровки верта нет ...ехес}

На самом деле, в этом прадед прав: Сусанна откровенный флим. Конечно, не по рождению (такие уже давно не репродуцируются), но она тормозная до невозможности — глитчинг-голло. Иногда складывается впечатление, что разговаривать с ней не о чем. Разговаривать по-человечески, о человеческом. Даже в вертах. С детства не понимал её нубизма: когда даже в геймах она не находила элементарного эксплорера, требующего ничтожной фантазии — чем подводила всю команду. Так и повелось насчёт неё. Но я Сусанну, как делает это наш прадед, не виню. Мне вообще до по пар-

плу. Да и в чём она виновата? Таких, как она, много даже в нашем кампусе. Не её вина, что её родители — мои *avunculus et amita*¹, — соблазнившись цивитас-проектом прогнозирования, согласились на сертифицирование уже после *partus naturalis*² дочери. Ну да — погнались за будущими социальными экспа, которые не хуже доэмбрионального кастома — вплоть до роадмапов в образовании и в карьере. Вот и вырубил у неё воображение, точнее — не развилось ничего, кроме того, что транслируется в рамках программы... как это по алголу... программы адаптации личности... ts.

{Фикс-ми — Fx:) ...здесь сквиш. Иннокентий требует его расшифровки.

Программа адаптации личности... адаптации — к чему?

Переводя в слова с вертов, снова и снова ловлю себя на мысли, что сознание перестаёт с лёгкостью переключаться по эйджейлу в понятиях, требующих осмысления — осмысления точности транслитерации.

В словах много двойных смыслов и скрытых эмоций, которые закодированы в вертах.

Верт многослоен, как композиты транспарентных ордеров нашего полиса, от любого смыслового слоя можно отказаться, остановив их в сознании.

Слова же произнесённые раскрыты во времени и пространстве, их произносишь в мир, как выпускаешь птиц, ко-

¹ Дядя и тётя (лат.)

² Естественное рождение (лат.)

торые и есть запечатлённые свидетельства твоей уязвимости.

Особенно если лжёшь — тогда верты в кодировке выводят в хайлайт все твои сомнения — истинные или мнимые.

...Адаптации личности к жизни в обществе...

ментальная адаптация...

принятие бытия...

смирение... вроде так.

Несовершенство комьюнити чувствуешь именно в подобной транслитерации.

Баг эйджейла.

Например, смирение... это не тот смысл, неточный смысл... смирение как слово в контексте — уничижительно, но оно всё равно транслируется комьюнити как первостепенное на данный верт...

Но это и есть поиск — такое у магистров уходит в мерж.

Смысл грейд-проджекта и в этом.

Алгоритмируя экспертные промты, таких фиксов требует и Иннокентий.

...exes }

<...>

На самом деле Сусанне, как и Гере, повезло — она в программе адаптации личности. По факту своей сертифицированности. Фичгайдный, между прочим, контент! Всё расписано, предписано, без сомнений — сквишей: алгоритмы включаются при одной только мысли. Даже глаз закрывать

не надо... Так что дедуля зря на правнучку диспликсит, видя в ней жертву прогресса: он сам, как ветеран, получил от цивита споты в виде и кохлеарного имплантата, и протеза с нейроинтерфейсом. И чувствует в свои сто двадцать восемь лет себя человеком. Ну да, от интеллектуального чипа вроде как отказался, но есть у меня подозрение, что никто ему, грейсхопперу (слово из его же алголской лексики), такого и не предлагал: бесперспективно.

Или никто не спрашивал согласия?

Кстати, была у меня еще одна двоюродная сестра. Уже и имени не помню. Вот её-то дедуля любил: на коленках держал, ползал с нею по полу — сам как ребенок... А ещё он ей кукол-трансформеров покупал — ну, тех, которые в мыслительных ревью принимали форму чего-то или кого-то, о чём или о ком ты подумал (сейчас они уже не в тренде). Так грейсхоппер пытался хотя бы в ком-то из своих правнуков развить воображение! Не развил, ушла в энд-ту-энд безымянная правнучка во время третьей микозной пандемии — и прогресс ни к фаллу. Даже биопринтинговая трансплантация не помогла — не прижились модифицированные лёгкие к натуральному естеству. Как выразился сам прадед: видно, душа отвергла. Обращались в службу реинкарнации, но по итогу ментально не срослось: прадед, как увидел, сразу усомнился — нет, не она. В общем, как часто поступают сейчас, ренонсировали и сдали на ресёрч под безапелляцион-

ную опеку в ювенальный реестр. Таким там лучше. Правда.

Часто думаю об этом: не повезло ли им (и Гере, и Безымянке, и другим, кого знаю) больше, чем нам, вроде бы нормальным иннитам? Хотя какие мы нормальные — верусы? Дедуля говорит, что ныне не осталось натуралов. Таких, каких он ещё помнит. Ведь, начиная со второй пандемии, чего только в человеческую плоть не привили, не вживили, а после двух войн — каких только поколений не оставили после себя ветераны, лечившиеся от ран и безумия психолептиками и психобионикой.

{Это его мнение.

Он не стесняется выражать его.

Ни в словах, ни в вертах.

Он имеет на это право...

Вроде так.... Но как же сложно мыслить по алголу — непривычно чувствовать связь понятий, облачённых не в образы, а в слова, которые, как айлессы, плутают по лесу смыслов.

Корректно и регламентировано ли то, что в вертах, тому, что в слове?

Даже транслитератор стремится к символизму допотопного нейро,
нежели к звуко-слову.

Как к наскальной живописи —

которая более точна и понятна в своей примитивности ...
ехес }

<...>

Снова говорю не о Ра. Хотя думаю о ней постоянно. Иногда мне кажется, что она не такая. Впрочем, об этом забываешь, когда находишься с нею рядом. Это какой-то магический круг, в центре которого её образ, притягивающий внимание. Ты не можешь оторвать взгляд — будь она в анфас, в профиль, на отдалении в толпе иннитов или только с тобой на расстоянии прикосновения рук. Но не смеешь. А так хочется! И проблема не только в её реакции — я даже не знаю, какой будет реакция Ра. Помимо социальных ограничений, я полон иных сквишей: чувствую, что она не относит себя к тем, кто испытывает потребность в тактильности. Или скрывает желания?

В общем, я не решаюсь.

Я вообще не знаю, что у Раисы в голове. В её ромашковой голове, которая всегда оборачивается туда, где светит солнце и куда под куполом саркофага веет бриз с залива. Кажется, она желает только одного: быть в эпицентре событий, смеяться там заразительным смехом и смотреть на тебя, отражаясь в комьюнити других. Даже в геймах, когда от скуки она подключается к базам, — тянет всё внимание на себя, раскрашиваясь в образ восторженной мейки с кричащими повадками в провокационном поведении. При этом в пикселях фантазии, где нужно найти хитроумный эксит, она их находит, и часто, пока мы ещё бродим в лабиринтах сквишей, пе-

ребирая варианты, она достигает боксов первой и машет нам с Заоблачного Пьедестала Свиффов, привлекая округу своим ослепительно оранжевым блезом, облегающим её вдохновенную свершениями *figura virgo*³.

Такая она в геймах — коллер. Культ Stellar Blade (по алголу).

В реальной жизни она кажется ещё большим андрогином. Не знаю, подходит ли это слово к Ра. Весь её облик женственен, а ведёт она себя как иннит мужского пола. Или точнее — как мальчик. Может быть, я просто ей не нравлюсь? А может быть, именно за эти её туманности натуры — какой бы эта натура ни была в происхождении — она так влечёт меня?

Так что пока — по сути, с детства, когда закладывались бутоны, — я ею только люблюсь. Она живёт со мной в одном доме, мы росли в одном жилом кластере, в одной дошкольной альме, мылись в купальнях, до поры не стесняясь еще не сегрегированных тел и не подпадая под действие закона нетождественности личного пространства и личных свобод. Теперь мы учимся в одном кампусе и, как я понимаю, будем вместе в одном концепте в академусе: наш учебный уровень подобран под единую спецификацию — алгоритмика жизни общества. Так будет, если же, конечно, Ра не сертифицирована... Даже не хочу думать об этом. Потому что в ином случае она уже не является предоставленной самой себе и её по

³ Девичья фигура (лат.)

окончании кампуса призовут ювенальным реестром в рамках полиса социальных обязательств туда, куда сочтёт важным министерство судеб. И мы больше с Раей никогда не увидимся. С той Ра, которую я знал с детства.

Почему у меня такие мысли? Всё потому же: иногда мне кажется, что у Ра что-то отключено, что-то не по дефолту, что-то, что должно быть у верусов... и она не родная дочь своих родителей. Плюс она такая яркая... белоснежная, веснушчато-ромашковая. Такая порода уже редкость, она аномальна. Она неестественна. Хотя мой прадед говорит, что сомневается и чувствует в ней скрытую натуру — модифицирующуюся во внешней среде. А внутри она иная. И здесь я немного успокаиваюсь: моему дедуле в таких вопросах можно доверять.

<...>

Мой прадед вспоминает, что раньше, в пору его молодости, белых людей встретить было не редкость. Натуральных — от рождения, по крови и по менталу. Светлоликими были и отцы, и матери, и потомство от них. Потом, после первой транснациональной войны, случился Великий исход меридов и гены тёмных рас подавили гены нордические. Альба-европеоиды в своей мужской части стали иссякать, а их женщины слились с теми, кого большинство и кто рядом. Нет, конечно, и сейчас в своей массе мы не негры, но та-

ких, как Раиса, днём с огнём поискать! В основном, блондины — сертифицированные кастомы. Индивидуальная кастомизация для родителей слишком дорогое удовольствие: зачастую не хватит энергии долгих лет — энергии, отданной обществу, — чтобы выработать эфемериумы — эти эфы — в достаточном количестве. Подобное стоит так дорого, что нужно иметь скиллы *opus tempus* настолько высокими, чтобы они соответствовали привилегиям социального права отличаться от иных в выборе — будь то профессионалитет или семейный сеттинг! Другое дело, когда кастом предлагается как цивитас-бонусы, но и здесь экстра и интра не в воле родителей. Зато, если ты родился сертифицированным, эфы в блокэнерджи накапливаются по факту сертификации вне зависимости от буферизации энергии семьи. Правда, в этом случае ты полностью своей судьбой принадлежишь цивиту. Родители часто идут на универсальную сертификацию. Одни — потому что не могут родить, а бесплодные маркируются дегенеративными функциями (х-ха... комьюнити по алголу выдает именно так) и платят общественный трибут вне всяких лимитов. Другие же — чтобы гарантировать своим детям солнце социального благоденствия на весь жизненный путь. Кому и сколько в этом жизненном пути будет гарантировано министерством судеб.

Дедуля называет такую систему криптопическим рабством. Откровенно так называет, не оглядываясь. Он вооб-

ще много чего транслирует, считая, что имеет на это право. Так как знал лучшие времена. Или худшие? Его слышат, но система отправляет его биты в логическое «И», наверное, потому что он ветеран, грейсхоппер, и ювенсы ему всё равно не внемлют, почитая за выживающего из ума сакса. А я почему-то горжусь, что мой прадед — сакс. Хотя во многом и не согласен с ним. Кто знает, каким я буду в его возрасте? Особенно меня радуют подобные его фразы, которые в запале он может прокричать как в комьюнити, так и в открытое окно, пугая мою мать — свою дочь, живущую в соседнем кластере, — точно кричит на весь полисный семирамид:

— Почему меня не лечит власть? Я хочу быть таким, как все вы! Я тоже хочу быть счастливым!

И вправду, кто его услышит? Он говорит, что после третьей мировой пандемии, после тотального инъецирования люди разучились слушать себя, а то, что вещают им извне, воспринимают за истину более, нежели правду своей совести. При этом мой прадед забывает, что живёт под этим солнцем уже сто двадцать девятый год и тот прогресс, и та реальность, в которую он выпускает из окон своих алголских ворон, и есть главное следствие, позволяющее ему ещё видеть солнечный свет. Ведь он продукт хронолайфа. Так и говорю ему. Думаю, поэтому он и стал ценить меня больше всех правнуков: типа если критикует — значит, существует. Существует в относительно естественном человеческом подобию — в верусе. Надеюсь, по этой причине он и составит

на меня тестаментум, пристегнув свой ветеранский энержи с аккумулязированной за жизнь энергией к скудному моему. И я позволю себе раскрасить будущее теми цветами выбора, которые мне нравятся. А ещё смогу сертифицировать в приватном — не универсальном — кастоме своих детей. Вместе с Ра. Ахахах!

Наверное, об этом всякий раз намекает дедуля, когда, в очередной раз проследив в транспарентности стен за Раисой в ситаллическом кубе лифта, провоцирует меня, чтобы я не хлопал ушами и включал в отношении неё полный сплайсинг. Как мужчина по отношению к женщине. Как будто и не понимает... как будто так и застрял, ветхозаветный, в тех временах, когда женщин можно было обнимать, не оглядываясь на законы нетождественности личного пространства и личных свобод!

Впрочем, всё он понимает, но знает, что именно этот его троллинг влечёт меня то и дело стучаться в нетранспарентные двери его алгольского сеттинга. За которыми, когда захожу, он, поднимая глаза, всегда приветствует меня вертом, полным сарказма:

— А, это ты, недоразумение мучительной капли, которую я когда-то обронил со своего пениса. — (Алгол транслитерируется именно так) — Как там наша Ириска?

И улыбается белоснежным биоимплантом. А я улыбаюсь ему в ответ. Почему-то не стесняясь отводить глаз.

<...>

Ра может и не знать, что сертифицирована. Во-первых, когда её кастовали, она была вне контента. Ведь цветы не спрашивают, хотят ли они стать цветами. Во-вторых, многие родители просто не отчитываются перед детьми обо всём — так не принято. Как будто стыдятся — глубоким, неосознаваемым инстинктом стыда. Я знаю, что так случалось и прежде: когда родители, усыновляя или удочеряя отпрысков, зачатых другими, до поры до времени не говорили об этом своим adoptивам, чтобы укрепить семейные узы и не породить комплексов. Потом — можно. Потом — когда сформируется осмысление того, что родители действовали из благих побуждений, — сертификат соответствия станет лицензией в наступившее светлое будущее. Потом adoptивы, как правило, благодарят своих родителей за преференции. И лишних вопросов никто не задаёт. Так же, как и не оправдывается. Это константа. А всё остальное — временные флуктуации.

Вскоре, наверное, мы все будем сертифицированы. Универсально. Никуда не деться: люди постепенно отвыкают рождать детей. Разучиваются делать это. Биологически, как раньше. К тому же родить ребенка — энергозатратное дело. Самое немотивирующее состоит в том, что такая энергия не аккумулируется в эфемериумы. Цивитасу не выгодны несертифицированные дети. Поэтому в таком случае вся радость отцовства и материнства ложится в энерджибоксы исключительно отцов и матерей. Ибо это высокие эйфы — чувство-

вать свободу, пусть даже формальную, от ювенального реестра. Быть верусом, натуралом — прерогатива, достоинство. Особенно среди молодых. Тренд модерна (так по алголу). Единственный тренд, благодаря которому, по словам моего прадеда, мы ещё можем форсить и бунтовать, «закинув то, что осталось в вас от мужского достоинства, через плечо».

— А что осталось? Огрызки чувства своей натуральности. Но ведь это как если гордиться стёртым оргазмом, хотя бы им! — баттхёртит он.

Его сарказм по алголу плохо облекается в верты. В моём сознании всплывают прямые пошлые образы лохматого бунтаря с закинутым через плечо поистрепавшимся хоботом из неприглядного места. Ахаха! Но именно такое веселит меня и придаёт нашим коннектам искреннего магнетизма. С закинутым через плечо хоботом... Веселит, веселило... искренний магнетизм... При этом дедуля считает, что если ты чувствуешь эти контрасты транслитерации — их неестественность, имполитность, не по эджейлу, — то, действительно, ещё можешь собой гордиться. Ибо такого сертифицированные позволить себе уже не могут.

Впрочем, это не его мнение. Это *socialis opinion*⁴, имиджент. Почему-то считается, что если ты и попадаешь в алгоритмику предопределенности публикума, то всё равно имеешь опосредованное право выбора карьеры вплоть до того, что именно верусы управляют сертифицированными, и ни-

⁴ Социальное мнение (лат.)

как иначе. Эта та же константа: кто-то должен контролировать процессы, находясь над пирамидой, над нейронной архитектурой. И это имиджент, и каждый из нас — нубелей — мечтает о таком пути. Может быть, поэтому Ра, даже если и знает, стыдится своей сертифицированности: в кампусной среде быть верусом — по скраму, это путь к тимлидерству! Так нам кажется.

Впрочем, всё подобное — сквиши. Единственное, что меня расщепляет: Ра не воспринимает меня вне контекста. А это тестис. Ведь так позиционируют себя сертифицированные. Но даже и у них время межгендерного коннекта наступает тогда, когда приходит период буферизации. И он вроде бы в наши восемнадцать лет наступил. Отчего такая задержка?

Дедуля вбрасывает трансy, что они (кто они?) постоянно модифицируют сроки гендерной сепарации, регулируя демографию агломерации. Я не во всём ему доверяю, но когда, к примеру, в студиях у меня возникает спонтанное желание, видя солнечный просвет в мочках её ушей, представить, как это — поцеловать Ра, то насильно отворачиваюсь, гоню от себя невесомую пыльцу ромашкового образа, точно боюсь не столько своих желаний, сколько фиксации ретаксессными сканерами того удивления, которое разольётся в её взгляде в момент моей неловкой попытки хотя бы сказать о чём-то сокровенном. Удивления, схожего с презрением. Причём...

как бы это выразить по алголу... презрения не личностного, а транслирующего общественное порицание. Словно Ра ещё не включили — до сих пор ограничивают в контенте взросления. Или просто отключили в ней весь этот контент — как необязательный.

Стрикты социального стыда.

Ещё дедуля вспоминает о временах своей молодости. Он часто сравнивает — что было и что есть. Воспоминания о своём далёком прошлом, ведь ему пошёл уже сто двадцать девятый год. Таков неизменный закон натурального сознания: люди живут прошлым...

Что я имею в виду? Принцип сертифицированности отличен ещё и тем, что в каждого из нас вложен какой-то ген — как его называл прадед, ген забывчивости. Ювенсам не свойственно оглядываться назад. Не заглядывают они и в будущее. Таймоптимум только в настоящем — здесь и сейчас. А будущее предопределено — оно связано с настоящим по дефолту. На этом основан социальный код общественного прогнозирования. Будущее должно быть счастливым: на достижение подобных прогнозов работают все нейроморфы мира. И, по его мнению, главная преграда в предсказуемости лучшего исхода — как раз-таки ещё преобладающая в социуме масса верусов, прогнозируемость общественного сознания которых снижает показатели устойчивости в достижении намеченных целей. Натуралов сложнее убеждать, они имеют

собственную рефлексию, их память — недетерминированная функция в вечной переменной. Вот поэтому вскоре доля сертифицированных среди нас резко возрастёт. В кампусе нам об этом постоянно транслируют, навязывая тренд сертифицированности как прививку от бытийного неблагополучия (так по алголу). Но и я чувствую: чем больше нам об этом транслируют, тем сильнее желание оставаться самими собой. Именно так — самими собой, с самими собой. Воображать себе мир, не навязанный алгоритмической конъюнктурой. Воображать, что мы воображаем. Это тренд современных молодых верусов. Наверное, такая форма поиска свободы. При неимении иного.

А ещё мы чувствуем: они борются с тем, чтобы такие, как я, не мыслили так, как мыслю я сейчас, закатывая в алгол или в верты свои сквиши, которые если не противоречат, то не коррелируют с идеями кодекса самоидентификации. В этом проблема верусов. У сертифицированных таких проблем не возникает. Им незачем быть не до конца искренними в энергии и оглядываться инкогнито. Мы, натуралы, кичимся своей натуральностью, потому что можем сомневаться, чувствуя в таком — пусть даже скрытом в себе — мятеже функциональность самоидентичности. Fx:)

{Как-то так... и я остаюсь предельно открытым в комьюнити ...exes}

Прадед транзит, что здоровая молодость всегда склонна выдумывать чувство несвободы, чтобы через бунт доказы-

вать своё право обвеивать ею лица, как морским бризом. (Ха-ха... Смешно, но такая транслитерация!) Со временем я понял, о чём он: в наших сомнениях ещё не утраченный потенциал свободного мышления. Сертифицированные, сами того не осознавая, завидуют нам именно в этом: и в интеллектуальных задачах саморазвития, и в геймах, и в социальных инициативах мы оказываемся впереди. Потому что мы хитрее, наша рефлексия основана на отличных когнитивах и сенситивах. Они же продублированы с нас, но главный исходный код им непонятен. Тот примакодис, который есть в нас, но нет в них. И мы им не способны помочь, потому что сами — при всех биоквантовых революциях — не разгадали его в самих себе.

— Нам дали возможность наслаждаться жизнью. Её гармонией вокруг. Просто наслаждаться — как посетители музея. Мы же стремимся выстраивать цивилизацию как в пузе кита, генерируя бред своей первородной гордыни как метеоризм, который слышен в мультивселенных.

Эйфно! Это мнение моего предка. Он считает, что раньше — при всех багах истории — мы были лучше. Вспоминает свою молодость, противопоставляя её моему восприятию жизни — моей молодости. «На самом деле, вы более ущербны, чем были мы. Хотя это звенья одной цепи. И всё началось ещё тогда. А сейчас мы в середине эволюционного распада». Он смотрит на модерн как на эволюционный процесс. Даже войны в его трактовке — эволюция. Часть эволюции.

Ничего революционного в них нет. Когда ломается льдина — это свидетельство того, что она обросла хрупкостью, монолитность подточена временем: выросший молодой лёд утяжеляет основание, и оно ломается. В молодости — сила эволюции. А молодёжь не хочет жить по-старому, она ищет новые формы, чтобы захватывало дух и рождало эмоции. Яркие вайбы — требование молодости. Главное — чтобы воплощение социального кайфа не требовало много энергии. В этом и кроется подвох. Верусы-ювенсы торопятся прожить молодость вовсю. Потому что знают, что постареют. Синтетика же не гниёт. «Не гниёт синтетика» (ха-ха... ё~^#&: ∞ %+~*=-10^(10^(10))) алгол!).

Инстинктами верусов, как прежде всеми, ныне всё так же управляют возомнившие себя сильными мира сего, их сайбердикаты. Им так же кажется, что они над всеми. Они перекраивают общественное сознание в угоду своим интересам, опасаясь, что сила верусной молодости, склонная к анархии, разрушит сложенный ими мир, как молодой лёд обрушивает массивную льдину. Но они снова заигрываются. Как и тогда. Манипуляция с общественными инстинктами рождает химеру — такую трансформацию идей и форм, спрогнозировать которую невозможно. В своё время желание снизить популяцию человечества, облучение идеологией умов молодых привело к мутации общественного сознания. С одной стороны, игры в глобальную подмену морали привели к извращениям. С другой, игры в национализм породили нена-

висть и привычку к перманентной войне. Это как сход лавин. Всё взаимосвязано. Но это лишь следствие. Причина в том, что волкам не суждено жить с ягнятами...

{ Дедуля всегда скатывается к таким не сразу понятным шарадам и обобщениям. После наших коннектов даже Энциклопеди не всегда выдаёт ответы.

Так он и живёт — в грейсхопперстве.

Только вот зачем мне об этом важно знать в модерне? ...
ехес }

<...>

Прадед (или прапрадед: уже, честно говоря, и не знаю) пережил две транснациональные войны. О которых нам мало что известно в подробностях — кроме того, что они разрушили прежний мир. Вспоминая молодость, дедуля не стесняется слов (вертами он общается только в случаях, когда того требует сеттинг — когда его уже не понимают, особенно роверы и файдс-боты). Он так и говорит: мы виноваты во всём сами. Но ничего не могли с собой поделаться — нами управляли искусно. Наши деды и отцы были ещё горячи, как парящие ключи у вулкана, пытались брать от природы по максимуму. И в ресурсах земных, и в страстях человеческих. Мужчины были мужчинами, а женщины — женщинами. Всё остальное — вариетатное — оставалось в теневых нишах и не влияло на общую мораль. Противоположности притягивались, страсть рождала взрыв сексуального

влечения во всех смыслах — и в гендере, и в культуре. Были нравственные одежды, но они не мешали молодым сходиться, смотреть откровенно в глаза, влюбляться, целоваться где ни вздумается и тактилить в интиме в уединённом месте. Как заповедано природой в мотивации к заповеданному “плодитесь и размножайтесь”. Но, видно, настал предел. И нам объявили о временах охлаждения, о рефакторинге. Так и заявили: не плодитесь и не размножайтесь — сделаем мир просторнее и чище! Если отбросить всю мишуру идей, в этом суть того, что произошло. Всё остальное — *In momento temporis augue*⁵, мейнстрим. Тренды — двигатель модерна, катализатор брожения молодой крови. Сначала придумали контрацепцию, позже насадили заразных болезней, внедрили в сознание модные тенденции о гендерном разнообразии, инклюзивности, асексуальности и даже агамии. Виры и фемины выворачивали натуру наизнанку. А иные мнили себя животными и деревьями, диджи-фриками и ещё чёрт знает кем или чем. Такие вот косплеи и быютисы. И вроде бы несерьёзно, и вдруг — полная реальность, полная смена форграунда! Потом отменили Бога — как выключили прежний свет и включили новый. Как ни в чём не бывало: просто объявили, что Бога нет, или что Бог иной. Что-то в этом роде. В моменте это породило сопротивление и ропот у того большинства, кто привык жить прежней моралью — в легаси понятий о добре и зле. И тогда они — те, кто перереформатировал

⁵ Пропаганда в моменте (лат.)

мир, — прибегли к крайним мерам: снова заварили войны.

— Так что война, если играть в эти понятия с высоты цивилизационного конструктинга, — это такой же инструмент эволюции. Эталонное средство для освежения народов и рас, для осмысления путей развития. Точка невозврата. Кастом новых поколений. Генерация интеллектов хард ресет, которые не хотят помнить, что сделано не ими. После войн вычерчиваются новые границы человеческого общежития, после них прекрасно насаждается выгодная социальная инженерия. Ей мало кто противостоит, потому что драйверов сопротивления уже нет: в войнах погибают самые благородные, мужественные и бескомпромиссные. А остальные — напуганы и безропотны. Они устали и хотят мира. С такими можно делать всё, что заблагорассудится! Без оглядки на всякую там мораль.

А ещё: ведь именно та первая транснациональная война помогла нам всем сохраниться. Это тоже эволюционный нюанс. Воюя, мы бомбили вражеские омниминды и гиперскейлеры, тем самым во многом притормозив безрассудное развитие автономной нейроморфии, от которой тогда в конкуренции и в погоне за выгодой разрабатывать защиту считалось «*conceptio imbecilli*»⁶ — человеческие амбиции, взаимные недоверие и ненависть застилали всё прочее... *Doli et insipientes!*⁷

⁶ «Идея слабых» (лат.)

⁷ Лицемеры и глупцы! (лат.)

Дедулю уносит парусом памяти. Корабль без руля. Он точно разговаривает с самим собой. Несколько раз подключившись к его откровениям, я уже не спорю — только рефлексую на сублимы. Хотя вряд ли этот факт меня оправдывает перед ретаксессными сканерами.

Он как чревовещатель. Сам в пузе кита — кита своего прошлого. Думаю, в его персональном файдс-боте уже отключена функция записи. Ха-ха! Баттхёрт для него как воздух. Наверное, с дедами так во все времена. Ну, прожил жизнь — довольствуйся тем, что вокруг. Всё равно ничего не изменишь! Тем более в общении со мной... особенно на фоне того, с чего началось наше общение... Чем, к примеру, он может помочь мне в моём притяжении к Ра? А для меня сегодня, как кажется, это самое главное! Пусть мир катится во все оксидромные мраки, со всей своей историей и моралью — мне сейчас важно только одно: чтобы она приняла мой коннект!

Я пришёл к нему с этим сквишем. Он же мне — первым вопросом: а чего ты хочешь от неё?

И вправду, а чего я хочу от Раисы? Чтобы её внимание вне контекста в большей степени принадлежало мне? Чтобы она слышала, слушала и внимала мне? Чтобы только я наслаждался её ромашковым образом в сокровенной близости, нашёптывая её слух всякими романтическими глупостями? Нет, конечно, так было бы эйфно! Даже воображая, чувству-

ешь мурашки по коже... Я и она в уединенных уголках кампуса, которые сокрыты от панорамных транспарентных стен и окон... о них даже не знают магистры и классные дамы, они вне ока блуждающих сенсоров... я и она, смотрящие друг в друга... горячее карамельное дыхание, томно промаргивающиеся, как крылья увязшей в меду бабочки, ресницы... её веснушки так близко, словно нас осыпало конфетти... и только тебе доступна честь расстёгивать эйристринги её блеза и прикасаться к естественному и настоящему, из чего состоит Ра...

{Какой же скрипт не по лиспам — этот их алгол! ...exes}
Аффектами дедуля троллит. Беззлобно, как пронепоса. Он любит вспоминать свои юношеские годы с их тактильной свободой — вспоминать во всех подробностях. Совершенно не оглядываясь на бэкграунд.

И этим отбрасывает флуд на меня. На всех нас. Которых зачем-то презирует. Как будто мы в чём-то виноваты.

— Посмотрите на себя, — смеётся он, — вы в своём капсульном мире, во всём этом аэрошэттлинге, по отношению к жизни ничтожны даже в параметрах — ни роста, ни габаритов. Среднестатистические полтора метра, обувь не больше нашего тридцать пятого размера... Посему и плодят вас инвитральным кастомом, потому что ваши отростки ни к чему больше не годны... Поколение высохших достоинств!

{Ахах! Это точно не моё.

Так генерирует его верты в слова *vibe coding* в комьюнити

...ехес}

<...>

Наверное, я родился слишком поздно — сегодня многое даже непредставимо. Из того, о чём транслирует дедуля. Мой предок вспоминает, что во времена его молодости — до первой транснациональной войны — девушки ходили в платьях, развеваясь ими на ветру, как ныне листья на деревьях в дендрарии. С обнажёнными руками и ногами. И когда иной раз забывчиво наклонялись, можно было подсмотреть их волнующую грацию в декольте. Любились запросто и целовались не стесняясь. Испытывая страсть природную, искристую, живую. Это уже потом, когда южные ветры переселения народов и экспансии иных нравов, как песчаные бури, привнесли в мир брутальных перегринов, они, эти перегрины-мериды, покрыли тот раскрепощённый мир дремучей андроцентрией.

— Они считали, что женщины стали слишком развратными — отравляют взгляды и умы стыдом. Что область *organa genitalia feminina*⁸ стала важнее *domum focis*⁹. И такое положение вещей — одна из причин вселенского брейнрота. В чём-то они были правы, но не в методах реформативирования: тот ментальный код, на принятие которого требовались поколения, они решили привить в коротком историческом

⁸ Женские половые органы (лат.)

⁹ Домашний очаг (лат.)

моменте...

...В первую войну мы вроде бы воевали за интересы родной земли, за память и могилы предков. За свою исконную кровь. Во вторую — за то, чтобы выжить. Храмы разрушены, а кладбища заросли девственной природой — не дойти, не доехать в зоны аннигиляции. И все вокруг стали уже особо и не отличимы. Беспамятные гибриды. Таким вот тиббетсом по факториалу: и по пратеру, и по презенсу, по средневековью и модерну — по всему сакральному и профанному...

<...>

Женщины в платьях... необычно и смешно. На матимах истории мы смотрим на эти образы, переглядываемся, перекидываемся аффектами и улыбаемся.

— Что происходит — оглянись! Сейчас мужчину и женщину и не отличишь. Отличие только в секс-триггерах, в чём-то размытом — вербальном и невербальном. Унисекс во всём. Даже запахи унифицированы. И то, как раньше пахли фемины — специфически, запахами присущих только им гормонов — ныне и не распознать под фиджиталом блезов. Которые и в солнце, и в снег над небесным саркофагом дифференцированы только окраской, стилем и настройкой этих ваших нейроморфов с теплообменом, воздухоотдачей и даже — видишь ли — эстетикой обонятельного восприятия внутреннего состояния человека. Нейроинтероцепция! Вы говорите о естественности, о комфортности, об открытости

всех и каждого. Искусственная естественность, искусственный комфорт. И транспарентность — саркофаг! Ведь даже настоящее можно сделать таким, чтобы оно только казалось настоящим. Ибо о другом, истинном уже и не знаете. Не вдыхаете, не чувствуете, не воспринимаете.

Такие трансы вбрасывает мой прадед. Он отращивает бороду — куцую седую бородёнку. Отращивает принципиально. Амадей не зря троллит меня его образом. Ё~^#&: ∞%+*=-10^(10^(10^(10))) мраки — типа рыцарь печального образа... Ахах!

— Вы даже выглядите цыплятоподобно. Как в инкубаторе. Без бород, усов, бровей — без самоидентификации... Продукты нейроморфии!

Я парирую, что по законам социальной идентичности бороды хоть и не является девиацией, но её отсутствие — тренд, требуемый в образе и подобии общественного служащего. В статусе которого обязано состоять всё трудоспособное население агломерации. За вызывающий образ не порицают, но оставляют трейс.

— Вот-вот! Не забудь добавить: чтобы избавить мужчин от будущего бритья, в отроческом возрасте проводят нейролиз. Это ли не инициация, подобная циркумцизии, которая как рудимент из проклятого вами пратера идентифицируется ныне как *suppressio libertatis individualis*¹⁰.

— Это обряд посвящения молодых в общественную

¹⁰ Подавление свободы личности (лат.)

жизнь, в будущее социальное служение.

— Это всё тот же социальный кастом. Вы просто подменяете понятия — на те, которые вам выгодны сегодня. История и вас ничему не учит, кроме регуляции надстроек бэкенда. В наше время Бога забыли не потому, что были разрушены храмы, а потому что их стало не страшно разрушить. Потому что в них стали подменять понятия. В угоду времени, в угоду, как ты говоришь, трендам. И те же искривлённые до крайней допустимости естества формы в образах и фактурах бытия, смыслы тех же адептов нравственной парафилии, которые раньше воспринимались за кошунство или девиацию, стали нормой — в зависимости от оттенков дескриптива и *commoda circumstantiarum*¹¹...

— Ты же имеешь право не бриться...

— Я заслужил это право, потому что им стыдно смотреть мне в глаза — даже через зум нейроморфов. Кости ноократии, которые они кидают нам, ветеранам, имеющим высшую графу энергоэфии в цивитас-служении. Такую преференцию они называют правом выбора?

— Ты знаешь лучше меня: у ветеранов много зачётных статей по экспа в социальных льготах, а преференция не брить бороды одна из них. В ней в том числе проявляется почтение за ваши заслуги.

— Знаешь, в чём логика? А логика проста: мы рано или поздно вымрем, но никто не должен оставить после себя в

¹¹ Выгодные обстоятельства (лат.)

общественном поле негативной энергии. Потому что старики — алголы — всё равно живут восприятием прошлого. В этом их натуральное сознание непоколебимо. Они кинули нам кость не в праве не бриться, а в праве ещё помнить то, что им вспоминать не хочется!

Спор тогда показался бессмысленным — больше я с ним не спорил. А ведь ещё у моего прадеда привилегии на жильё. По заслугам ему дарован большой жилой кластер в фасадной эллипсоидной волне нашего ситаллического дома. И дом у центральных городских эстакад, и кластер в нём он выбирал сам: выбрал лучшее, что было можно — с видом на главный семирамид Веснограда, рядом с концептом, где позже, по его же желанию, поселились мы — его потомки. Единственное, в чём выбор дедули был ограничен, так только в том, что панорамный балкон и транспарент ситаллического фасада должен был быть обязательно текстурирован в малиновый маркдаун — символ почтения ветеранов. Вряд ли он согласился на него, если бы у него было право влиять на законы институциональной памяти. Зато во всём остальном привилегии исключительные — даже на возможность закрывать окна от полиса, когда заблагорассудится.

А ещё — про себя — кольнул его за то, что самое главное право, которое ему, как ветерану двух войн, даровано гражданством, — юры на флуд.

Но я не спорю. Он спорит с собой сам.

<...>

В кампусе о транснациональных войнах нам рассказывается нечасто. Без подробностей. События тех лет словно занавешены туманом. Туманом истории. О них только тогда, когда нужно подчеркнуть контраст модерна, того, что сейчас, — возрождённого в лучших образцах переосмысления. (Так транслитерируется мысль по алголу)

Те две войны взаимосвязаны, так как причиной второй стала первая. Из того, что известно: после первой войны часть нашей нынешней агломерации оказалась в оккупации. По словам прадеда, тогда их снова обманули и предали. Кто — я не спрашиваю. Он указывает рукой куда-то и на запад, и на восток.

— После периода конфронтации они сначала ввели нас в заблуждение миром, а потом, когда перевооружились, нанесли нам удар, спровоцировав внутренние волнения и напав с разных сторон государственных границ — даже оттуда, откуда мы не предполагали.

...Они всегда умели ждать и терпеть. Говорили, что желают нам блага, что мы сбились с пути. Бомбили с пожеланиями, что делают так ради справедливого устройства мира! Поистине — чем более безумен человек, тем более он мнит себя демиургом. А какие демиурги в мире слепых? Такие же слепые! Это был какой-то вайб мразей (так транслитерирует алгол). Лгали как дышали, и уже не чувствовали никакого диссонанса. Пытались нас раздавить, обложив со всех сторон

военными базами, экономическими санкциями и подкупом соседних народов, утверждая, что наша сторона света, наша вера, наши традиции — это паттерны ненормальности, психического нездоровья... На самом деле они пытались проломить яйцо, сжатое в кулак. Но таким образом скорлупу не сломать! Мы сами позволили разрушить свой мир, допустив, чтобы они смогли разрушить нас изнутри.

{Кто эти «они»? «Они», «мы» — это смысловые транс-прадеда.

Дедуля часто разговаривает так. Как будто и нет меня рядом.

В его вертах «они» — те же, кто в кампусе занавешен смысловым туманом по закону социальной обнубияция.

Я не спрашиваю, предчувствуя, что эти верты утыкаются в верхнюю границу допустимой функциональности — $O(n)$.

Тем более — он, думается, уже и не вспомнил бы ...exes} — Мы опомнились только тогда, когда стали рушиться символы нашей веры. Они разрушали нас в мелочах: в еде, в одежде, в образе поведения, в образе жизни — в обычном, бытовом, повседневном... Потом хаотичная миграция, которую они спровоцировали нищетой и войнами у наших границ, обернулась ожесточением внутри наших городов. И в какой-то момент стало поздно. Слишком много в нашем обществе накопилось противоречий: во власти, в экономике, в межнациональных обидах, в нетерпимости, в божественном и безбожном, в мужском и женском, в гендерном и трансген-

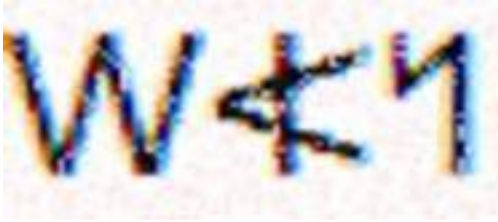
дерном... среди богатых и бедных, светлых и покрытых тенью, бородатых и безбородых... а ещё в противоречиях заумной прогрессивности и в пещерной невежественности... Пегрины знали, за что они воевали: за новое царство своих нравов и веры на чужой богатой земле. Так внушили им их глашатаи. А за что воевали мы? Наверное, за то, чтобы наконец-то найти самих себя, размытых волнами с враждебных берегов, понять, кто мы на самом деле и каково наше место — место в кластере названной родной земли! Понимание этого придёт позже, а тогда, воспользовавшись властью силы, властью мейнстрима, наши враги решились переступить через границы. И как оказалось, это было благом: иногда полезно после долгих лет кажущегося безмятежным мира воевать, чтобы выжившие пришли в себя и осознали всю степень собственной оболганности, пресыщенности в зазеркалье отступничества от заповедей предков...

Я не знал, зачем он это всё мне транслирует. Памятное и понятное только ему. Стакан, который перманентно пуст.

{Релейб фиксации смыслов. Fx:}

И всё-таки по алголу что-то не то ...exes }

...лайф

Мой предок пользуется комьюнити только для заказов еды и для общения с личным файдс-ботом. Со мной — только когда я прихожу к нему. Конечно, что-то остаётся в комьюнити через наши блезы, но я никогда не опасался его флуда: его память, помимо экспрессии и диспаратных деталей, не противоречит тому, о чём нам транслируют в кампусе. Мы живём в транспарентном мире. Мы переросли национальное. Переросли расовое. Границы перестали существовать. После второй транснациональной войны создана Лига человеческой справедливости, и её главный документ — меморандум всечеловеческого общежития (так он звучит по алголу) — лежит в основе общественных отношений. Считается, что мы изжили разобщённость. И войны, ею провоцировавшиеся. Когда одна страна воевала с другой, а иные поддерживали тех, кого не поддерживали их враги. Хотя мой

прадед в этом сомневается. Он вообще во всём полон скепсиса. Говорит, видел многое, ему есть с чем сравнивать. В моём терраформе он представляется странным архетипом — даже моя мать, его внучка, не в восторге от нашего общения. Но я общаюсь с ним, как будто назло ей. Хотя иногда я смотрю на себя в зеркало, причёсываю свои смолистые волосы, осветляю в угоду моде свое смуглое лицо и не верю, что дедуля мой прямой предок. В молодости он был пшенично-волос и светлолик. Сейчас седой, и белая кожа всё равно пробивается сквозь пергамент морщин. Не потому ли он так лоялен к Ра, которая, быть может, напоминает ему об утраченной и забытой ныне расовой общности? И не потому ли Ра не обращает на меня внимания, так как запрограммирована на поиск субъекта своей идентичности?

Ну нет, это баг — мои комплексы. К тому же я не так некадист в своей юности. Вон, Рокси ищет со мной коннект: я ей нравлюсь. Только мне она не нравится. Не как друг, не как тиммейт — как фемина... Надо сказать и о ней (хотя те, кому нужно знать, знают её, судя по всему, лучше меня). И всё же... Иннокентий требует подробностей.

Лана, Роксолана, Рокси... Она зумеланиновая, как пред-рассветная ночь, даже в впечатлениях. Раиса своей ромашковостью затмевает её светом, и Рокси всегда уходит в моём внимании в тень. Она не такая, как, быть может, хайлайтят её мои верты и слова. У неё есть достоинства, и первое — то, что она верус. Этим она хочет меня подкупить: считает,

что тёмное должно тянуться к тёмному, натуральное к натуральному.

Однажды в студiuме на занятии по истории мира в сублимации слейдсов рядом с образом Александра Македонского промелькнула знойная шоколадная женщина — бактрийская принцесса Роксана, супруга Александра, которой он пленился вопреки протестам полководцев в своём греческом войске. Роксана — Роксолана. Рокси зацепил этот субл, и вскоре, намекая мне о своих симпатиях, в наших групповых геймах она начала представлять в зумеланиновом облике Роксаны, неотвязно следовала за мной, тимлидером, наполняя верностью стеки моих смысловых геймовых поисков. Это заметили все, даже эгоистичная Ра, которая прислала мне аффект боевого коня. Я не сразу понял, но позже геймовый сквиш раскрылся. Так Ра разобщиала нашу манипулу. Но была ли это ревность? Смею надеяться. Тогда я улыбнулся: пусть Рокси будет Роксаной, главное, что не Буцефалом! Ахах! (Такая проекция — она не передаётся алголом)

Рокси пришла в нашу манипулу из-за меня. Но мне нечего ей предложить. Повторюсь, она меркнет в свете Ра, она — фади. А излишние насмешки мне не нужны. К тому же я не могу представить Рокси в платье, бегущей по ромашковому полю. Поэтому, когда в студiuме включается сублимация слейдсов, Рокси смотрит на меня, а я... я смотрю, как играют неоновые блики сменяющихся кадров на профиле, как кажется, абстрагированной от внимания всего и вся Раисы.

К слову сказать, матимы по мировой истории для меня самые эйфные в кампусе. Не могу до конца определить почему, но это так. Они знают об этом: быть может, потому Иннокентий и стал моим комитансом — мировая история одна из его магистерских дисциплин.

Ра к истории индифферентна, так же как и к матимам художественного воображения. Ей ближе алгоритмика общественных отношений и контент, связанный с энергетической экономикой со всеми их парадигмами, рекурсиями и компиляциями эфообмена, трансграничного банкинга и тому подобное. Что в таком интересного? Сознание Ра, судя по всему, настроено математически: она полагается не на интуицию, а на логику. Я чувствую это даже в геймах. Рациональность в ней — всё, я бы, честно говоря, её в ней приуменьшил, но это не в моей власти. А вот Рокси поддерживает меня. Не знаю, может быть, так она просто хочет понравиться мне. Каннинг-Рокси! Хитрая и упрямая, но очевидная в своих лиспах! Наверное, мне надо как-нибудь объясниться с ней, дать понять, что не во мне ей искать своего героя. Ведь я не могу представить, как создам с ней семью и буду тяготиться всю жизнь её шоколадной навязчивостью... Смеюсь. Хотя и в отношении Ра вопрос немаловажный: какая она будет в социальной паре или в матримониальной коммуне? Но это потом, а пока мне важно привлечь внимание Ра — внимание вне контекста, увлечь её своим сетом, раскусить эту

странную Ириску, как зовет Ра, по старой памяти, мой предок...

Такие у меня булеан-скивиши. По алголу они звучат особенно странно: как будто я зациклен на Ра. Но это не так. Ра — часть контента, его фогграунд, к которому я прикладываю булеан-функцию, по алголу звучащую примитивно — только в двух смыслах: *verum an falsum*¹². Типа, правдивы или лживы мои домыслы и сомнения.

Такие трудности перевода. Моя же экстернальная задача — в адаптации и актуальном презенте. Задача же интернальная... ха-ха... там, где в вертах недостаточно сигнификации, чтобы выразить представленное по алголу, не выглядеть смешным, не выглядеть «обнажённым в натуре» (иного понимания комьюнити не даёт: верт расстёгнутости в блезе, проимпульсированный в сознании аффектами сублов, и есть понятие «обнажённая натура» в архаичных букве и звуке). И это не оправдание. Это — часть сеттинга. По крайней мере, так его осознаю я. *Verum an falsum* — судить не мне.

{Моя задача — в эксплорере, в поиске.

И я ищу ...ехес}

<...>

Именно на уроках мировой истории мы видим, как раньше выглядело человечество. Калазирисы, туники, хламиды,

¹² Правда или ложь (лат.)

костюмы и платья... Женщины, и правда, в платьях: с открытыми руками, ногами и — невероятно — с открытым бюстом! С такими выпуклостями, которые не выдерживают корсеты — они вываливаются наружу прямо под мужские взгляды! Точно жемчужное вымя, волнуемое морем! (Смешная транслитерация, но что-то в ней есть, за что хватается фантазия) Такими ныне женщины не рождаются — наверное, нет в том нужды: чтобы носить, демонстрировать и соблазнять случайные взгляды подобным колышущимся женственным и материнским... По крайней мере, таких я в модерне не встречал. Может, ныне в этике идентичности и в погоне за модой женщины что-то скрывают, и самое тайное открывается только супругам под сводами интимных капсул? Пока не знаю. Например, у Рокси что-то угадывается под блезом, а вот у Ра ровным счетом ничего. Это ещё одна причина моего любопытства... Впрочем, пусть даже и так: на самом деле к Ра меня тянет нечто другое. Она тонка, хрупка и словно беззащитна. Но при этом неприступна, неприступна до оскорбительного равнодушия. Это меня будоражит — я хочу её раскусить. Дедуля считает, что спонтанное пробуждение этого чувства — ещё один сохранившийся код, отличающий веруса от иных в легаси. Почему он мыслит так примитивно?

И всё-таки: человек ли она? Нет, она вроде бы живая. Белое, как будто бескровное, лицо — это да, но мимика...

какая-то магическая, восхитительная... и всё-таки неестественная. Особенно когда смеётся — залиvisto и вроде бы непосредственно. Но — всё же — как будто надуманно. Лицемерие, игра или компиляция? Блонд выющейся причёски, припудренная золотом чёлка и эти то ли веснушки, то ли конопушки, как янтарный песок, просыпанный по белоснежной бумаге! Она же пытается скрыть их под солярным загаром и пигментами натуральности. Зачем, Рая? Все и так обо всём догадываются...

На самом деле Ра полна комплексов недоверности. Она ниже меня на целую голову, и даже ботты на огромной подошве не спасают её в желании быть выше. Она хочет быть социальным тимлидером, и, наверное, ей кажется, что рост — это тот недостаток, который не делает её во внимании всех абсолютной. Даже Рокси выше неё. Но мне всё равно нравится только Ра.

Нет, она общается со мной. Словно демонстрируя отстранение. Общается — как со всеми. А по-женски она равнодушна ко всем. Я не вижу соперников. Готов ревновать, но не знаю к кому. Инниты мужского гендера тянутся к ней, как цветы с ситалловых балконов к солнцу, но тянутся не биологически, а социально — чтобы поднять лиспы в её обществе. Она ярко выраженный драйвер. В ней заложен какой-то аттракт — функция притяжения.

Да, что-то из Ньютона... ахах!

Со своего уровня — с эстакады стеклянных ярусов высших учебных корпусов, провисающих над нашим кампусом, — к нам в её пишарм спускаются даже нубели академуса. Но я не вижу в них той маскулинной тени, которой бы они хотели накрыть Раису и в которой она нуждается. Тот же умница и брутал Амадей — любимчик магистров и герой наших геймов — вхож во внимание Ра только как объект весёлого и интеллектуального общения, как успешный и остроумный сталкер, с которым нескучно. Если Амадей рядом, она всегда с ним. Но как со сталкером — не с мужчиной.

<...>

Дедуля транслирует, что мы стали синтетическими людьми. И виновато в этом именно его поколение. Когда-то, в его юности, влечение полов и материнский инстинкт ещё были в силе: влекло кокетничать, целоваться и танцевать, быть горячими и раскрепощёнными. Он повторяет эти паттерны из раза в раз.

— Мы бегали на свидания и прикасались друг к другу не отводя взволнованных глаз. Целовались запоем и погружались в интим с обоюдной страстью. Рождали детей и были счастливы от семейного щебета, как птицы в весенних гнёздах. Потом объявили время отмены — повелели во имя спасения человечества, которого стало слишком много, не плодиться и не размножаться. Не копить свет земной. Модным пропагандировали культы асексуальности и гендерного раз-

нообразия. Мужчины стали позиционировать себя женщинами, женщины — мужчинами... и ещё чёрт знает кем. Социальный вайб был наполнен мейнстримом, что такое нормально, что нужно просто поменять обзор зрения — и жизнь станет прекрасной в своей толерантности!

Тогда, по трансам прадеда, в пузе кита начался переполох — гегемоны делили мир. Мы жили своей жизнью, заполняя профанными жиром и мёдом урбанистические соты: хаусы, офисы, бьютисы, чиллы, велнесы, биохиллинги, биохакинги и прочие лайфстайлы. И только иногда вглядывались за горизонт, откуда уже валили тревожные дымы вроде бы чужих войн. Но даже эта тревога не затмевала привычного восприятия.

— Я запомнил кадры из юности, как сфотографировал: когда прилеты боевых ракет, разрывавших смартгриды на том берегу, не могли смутить людей, загорающих на морском пляже и беззаботно, не вставая с шезлонгов, снимавших на свои гаджеты горящие напротив небоскрёбы, будто они располагались где-то в другой реальности...

Идиоты, мы жили как в саванне непуганых антилоп!

И снова — как итерация слайдсов, плохо, чувствую, как-то искажённо облекаемых транслитератором комьюнити в алгол: о том, как рухнул когда-то их лайфстайл:

— Перегрины-мериды, они со своим видением бытия хлынули, когда их родные земли стали непригодны для жизни. Голод наступал: глобальная экономика превратилась в

ключья, и, казалось, все бомбят всех... Границ беженцам никто не закрывал, потому что мы не верили, что они воспользуются нашей привычной безмятежностью и начнут замещать нас. Но по-другому они не умели. Влившись в наш мир не ручьями, а реками, словно прорвало шлюзы, не захотели быть гостями. Их нравы ощутил каждый из нас. Точно под воздействием свойственного только им гуаякола, они стекались в воинственные толпы и подчиняли себе целые города. Лишили голосов мужчин, а женщин лишили лиц. Потом, воспользовавшись хаосом, к нам пришли и наши враги — оссиденты. Помню только, они назвали своё вторжение «*Agmina ab occasu solis*»¹³, почитая себя за наследников мифологизированного *Inclitus populus Romanus*¹⁴. Но им пришлось воевать и с peregrinami-меридами, которых некогда они настроили геополитически выгодными им исторически сфальсифицированными нарративами против нас, и с нами, сохранявшими в себе дух предков и родной земли. Они купили многих из тех, кто не подбирал средств для своих целей, многих из нас, кто предательски ждал их, как цивилизационных мессий, завербовав кичливые рты кричать не о патриотизме, а о вселенской общности неестественного и вопиющего. Так они разлагали и меридов, и нас, сделав своими врагами. Но мы выстояли и победили: изгнали за границы и тех — кто казнил несогласных с их нравами на площадях, и

¹³ «Армии со стороны заката» (лат)

¹⁴ Прославленный народ Рима (лат.)

тех — кто вопреки законам истории отменил Бога и мораль и возомнил себя новым цифровым демиургом. Мы объединились со всеми, кто принял нашу правду, кто воевал вместе с нами — за право на идентичность. Среди них оказались и многие из меридов, оскорблённые святотатством оссидентов, и оссиденты, сбежавшие от лжи родных берегов, и монголоиды-ориенты, понимавшие: падём мы — падут и они... Потом построение послевоенного государства потребовало жестоких социальных и ментальных мер, и мы им следовали! Даже сохранили многие законы, которые принесли с собой мериды; только запретили фанатичные нравы, нам несвойственные, и уняли бессудный гнев, воспротивившись общественным казням. Да, мы вынуждены были создать полицию нравов. В защиту и от тех, и от других — от всяких, чьи идеи снова размывали устои отвоёванного нами в самоидентификации. Уставы тоталитарной морали распространились на образы, на слова и даже на мысли! Диджитал-пространства до срока были ограничены в сприндинге, ибо через них действовали наши враги. Это стало неизбежно — того требовало время: мы уже хорошо усвоили, как социальная распушенность под крики о демократии, о мнимой свободе личности умягчают путь к разобщённости, к предательству, к распаду идентичности. Всех и каждого...

<...>

Сквиш не хуже геймового. Когда Иннокентий во время

пролеписов спрашивает меня, понимаю ли я, о чём выстраивает транс дедуля, и нахожу ли концепт в таком его общении со мной, я отвечаю: он общается не со мной. Даже геномная терапия здесь бессильна. Ну, правда, в чём связь между сексуальным влечением и причинами войн? Почему, говоря о Раисе, я вспоминаю моего прадеда, когниции которого, в алгоритмах джаджи-экспертов, включают оверридинг в отношении меня? Ра и дедуля — в чём их связь, кроме той, что она нравится и ему, нравится, как объект напоминания о бурной молодости, когда он мог беззастенчиво демонстрировать влечение к *genus femininum*¹⁵? Х-ха... (Попробовал бы он повернуть это сейчас! Лишиться патента на будущее никто не желает!)

Но Иннокентий транслирует, что когниции прадеда — не паллиотива герона. И сквиш этого нашего коннекта мне нужно расшифровать. Они хотят этого. Зачем?

— После второй войны остаткам объединённого ужасом человечества запретили размножаться. Ввели целый мораторий: репродуцировать только с разрешения. Было много заумных формулировок, но суть оставалась такой. Лига человеческой справедливости нарезала, как пироги, каждой агломерации репродуктивные лимиты, сопроводив процесс кодексами нравственности и ограничениями в сексуальной свободе. Человеческая природа объявлялась вне закона. Свободная любовь, любовь вне статистики — это пре-

¹⁵ Женский пол (лат.)

ступление... Так просто; взяли и отменили человеческую природу! Дефертилизировали кроликов! И все привыкли. Мы вообще ко всему быстро привыкаем: от бронзы к железу, от железа — к пороху, от пороха — к электричеству, от электричества — к электронным коммуникациям, от человеческого первородного — до киберпанка. А ещё: от святого, запечатлённого на бумаге или в цифре, слова до нейроморфной лжи... Так мы словно ищем развлечений в этом мире. Вынужденные жить и выворачивать своё естество, пожирая видимую плоть экзистенции. Всё остальное — всё, что только можно себе представить, — мы выдумываем, выдумываем по фейкрему, чтобы оправдать свое людоедство или же... или же казаться самим себе более благородными, нежели есть на самом деле. А ведь всё, если присмотреться, так просто!

Дедуля многое понимает, но такой у него баттхёрт. Быть может, я приходил к нему ради именно этой экспрессии, которая так не свойственна нашим терраформам. Видя мои юношеские сквиши, он часто сетовал на времена и нравы. Если бы в его молодости он влюбился в такую Раису — проблем при взаимности не возникло: они уже через неделю бегали бы по берегу залива и наслаждались любовью, как дикие кролики...

{Так его сарказм транслитерирует алгол, а мне — ловлю себя на чувстве — стыдливо хочется отключить воображение ...exes}

Но иногда же кажется, что дедуля открывает мне глаза. На то, о чём не расскажут в кампусе. Как будто тоже стыдась чего-то. Из того, что мною впитывается на матимах мировой истории (даже в той дозировке, под тем углом зрения, которые формируют магистры), я понимаю, что в чём-то мой прадед прав. Я начинаю понимать причины и следствия. Даже в том, почему Ра, будучи на пике пубертата, не испытывает межгендерного тяготения. И вообще — не осознает себя женщиной и будущей матерью. Никак не проявляется — ни в одной переменной функции.

{F_x:) — Они хотят, чтобы я подверг подобное парсингу,
— я анализирую
...exes}

#crazyUnicorn

Наш кампус считается одним из лучших в полисе. Он расположен в кластере Науки, увитого эстакадами академуса, на северо-западе Веснограда. Я знаю, что когда-то в древние времена было такое чудо света — сады Семирамиды. Это такие роскошные сады, разбитые на стенах дворцов и крепостей то ли в Ассирии, то ли в Вавилонии. В строительстве академуса пошли дальше и развесили прозрачные ярусы учебных корпусов от одних транспарентных небоскребов к другим — словно (так по алголу) гирляндами. Или разноцветными бусами, играющими цветом в зависимости от преломлений солнечного света или ночного неона.

Искусственный свет мы воспринимаем за естественный — солнца мало по всему миру, светлые дни коротки. Дедуля говорит, что такое явление — следствие второй транснациональной войны. Но мне кажется, от нас специально загроживают солнце. В студиях на матимах истории я вижу,

как было много солнечного света в прежние эпохи и какой природной зеленью пестрели тамошние города. Целые парки деревьев. Да, было много бетона, но монолит зданий покрывали массивы зелени. А вокруг городов буйно росли леса. Магистры транслируют, что проблемы экологии — перво-степенные задачи человека в модерне. Человек должен жертвовать собственным благополучием ради природного баланса. Правда, никакого баланса я уже не наблюдаю. Мы живём среди архитектурного ситалла, равнонаправленного во все стороны горизонта. Потому что иначе наши жилища лишатся доступа солнечного света до минимума. Хотя, как утверждает мой прадед, точку невозврата мы уже прошли: солнце перестало освещать наш разум.

А ещё, в отличие от прошлых эпох, мы живём в прозрачных домах потому, что транспарентное бытие — часть экологии, экологии человека. Такое общежитие — одна из граней социальной эргономики. *Société ouverte*¹⁶. Нам никто не запрещает закрывать окна от чужого взгляда, но такое сразу фиксируется и вроде бы ненавязчиво запечатлевается в профайлах комьюнити. Никто не запрещает скрываться, так же как никто не запрещает смотреть в несокрытое. Но лучше этого не делать. Лучше не делать. Мы все знаем, как работает альфа-канал в стеганографии.

Транспарентности способствует архитектура наших полисов: в таких прозрачных эстакадных волнах домов неэтич-

¹⁶ Открытое общество (франц.)

но ограничивать проникновение солнечного света в жилые кластеры соседей только потому, что ты один желаешь занавесить свой мир. Открытость перед обществом — основа энергетического потенциала, за следование которому цивилизация мотивирует энергоэфи́ей. Повторюсь: она необязательна, но облачена в тренд, потому что приносит дивиденды. Всем и каждому. Я это знаю, потому что нас так учат в кампусе. За знания нам субсидируют всё той же энергоэфи́ей. Её уровень особенно важен накануне грейд-экзаменов. Энергетическими уровнями в наших энэрджи измеряется компетенция. От них зависит настоящее и — в большей степени — будущее. Не учиться невозможно: в таком случае ты либо преступник, либо идиот (так по алголу), подпадающий под действие особой сертификации.

Так что, доучившись до стадии нубелей, мы хорошо понимаем, как устроен наш мир. Солнечный свет затеняется благодаря тому, что на земной орбите его концентрация уходит в энергетическую обеспеченность всего и вся на Земле. Оттого и нельзя отгораживаться от солнца, нанося ущерб иным. Правда, не очень понятно, зачем ограничивать естественный свет, дабы рождать свет искусственный? Но такие вопросы задавать не принято. Из логики демонстрируемых знаний я понимаю только одно: такая энергетика — ключ к достатку всех. При всей сложности процессов всё просто — как говорит мой прадед. Искусственная энергия доступна каждому — все более-менее счастливы, а значит, нет конфликтов.

Нет предпосылок для будущих войн. Если оно действительно так, то пусть оно таковым и будет. И вопросов задавать ни к чему. И говорить следует, как учат: благодаря, а не вопреки.

{Так что, критикуя подобное, дедуля неправ ...ехес}

На матимах нравственности и общественной морали нам транслируют идеи, что мир лучше любой войны. Мы должны думать о будущем, а настоящее уже создано. Чистый мир и мирное небо — основы развития. Сохранить то, что есть, что достигнуто после второй транснациональной войны, — наша задача. Уже сегодня многое сделано для этого: стёрты границы между народами, расами и общественными формациями, унифицирована религия для нуждающихся в ней, в рамках VoidX и астрамайнинга объединены исследования космоса и источники добычи энергии — по сути, введена единая для всего человечества интеллектуальная и финансовая системы, основанные на энерджи всех и каждого. Та энергия, которую вкладывает человек в развитие общества, то время, которое он трансформирует в социальную энергию, — и есть его капитал. Всё сформулировано и заложено в алгоритмы общественных процессов. В дженус. Эра справедливости не за горами.

Каждый раз, когда я захожу в комьюнити, я действительно чувствую общность со всеми. Такое ощущение, что всё человечество заглядывает мне в глаза. И от этого ощущения

не скрыться нигде. Везде ситаллические стены, прозрачные углы — транспарентное бытие. Где, если она согласится, целоваться мне с Ра, я даже и не представляю!

(Fx:) — ...звнящий звук! Алгол нуждается в подобных фиксах ...ехес }

<...>

Вчера Марианна, наша *domina studiorum*¹⁷, вошла в контакт с моей матерью. Этот ретаксесный сканер настроений — он вычислил мой валлхак. Признаюсь, я повёл себя непозволительно, вышел за рамки учебного код-стайла. С другой стороны, что сделал я такого, что бы противоречило процессу познания себя и мира? На пролепсисе по социальному сознанию я задал магистру вопрос: “А может случиться так, что человек снова превратится в обезьяну?”. Конечно, я не соблюл границы вайб-кодинга, привлекая тем внимание всех — и прежде всего Ра.

Как часто бывает, магистр отреагировал вопросом на вопрос:

— А вы можете описать современные условия, при которых такая трансформация стала бы возможна?

Мой верт:

— Ну, к примеру, если возникнет всеобщий апокалипсис.

— Что вы подразумеваете под термином “всеобщий апокалипсис”?

¹⁷ Классная дама (лат.)

Я знал, что напрашивавшееся в разговоре словосочетание “новая война” в кодексе позитивного мышления подпадает под not null и решил поиграть понятиями — по сути, перешёл в среду сквишей:

— Если вдруг на Землю упадёт метеорит и разрушит цивилизацию.

Магистр отреагировал без заминки:

— Такие обстоятельства ничтожны, учитывая способности человеческой цивилизации к отражению подобных космических угроз. Что возможно ещё?

На самом деле в кампусе (и в учебной параллели) я не единственный грифер, кто любит в хорошем расположении духа ради форса посквишить магистров. Это же так весело — загнать в тупик нейроморфы и почувствовать, что ты всё же в чём-то пока выше них! Мы иногда позволяем себе такое и во время ферий, вводя в заблуждение ложными движениями и андефайнд-вертами контрольную систему в вестибюлях или в санитарных комнатах, и на матимах, на нюансах загоняя в логические тупики при всём её эджейле нечуткую к изошрённости парадоксов логику нейроидов. Конечно, мы не достойны за такое поощрений, но это так эйфно и, по большому счету, невинно! Администрация кампуса понимает нашу молодость и, закрывая на некоторые девиации сенсоры, таким образом, как я понимаю, запускает рефакторинг. Но вчера я явно перегнул палку, спросив магистра напрямую:

— А ведь возможно, что Бог просто возьмёт и выключит солнце над нашими головами.

Нейроморф почувствовал подвох только здесь. Враз сменил алгоритм общения, отключил от меня сферический луч внимания и продолжил разговор по теме пролепсиса, как будто и не было ничего. Ха-ха... Сообразил, что я перешёл в скам и прервал разговор. Правда, не забыв просигнализировать о моём поведении *domina studiorum*.

Дедуля надо всем этим недоразумением посмеялся бы, но мать относится к моим школьным пранкам с полной серьёзностью: три жалобы в месяц — и социальная цензура в бокс-чейне обеспечена. Да, пока на уровне кампуса, но даже она будет зафиксирована в энерджи и останется лагом в профайлах личности, которые обязательно после выпуска из кампуса будут идентифицированы. Такие маркеры могут повлиять на моё будущее. Не знаю, в какой степени, но могут. И мать этого боится. Я тоже всё понимаю. Порицание — предупреждение — преступление. Но так хочется быть оригинальным! Вот может же, к примеру, Амадей быть флекси, невзирая на повсеместные фиксы нейроидов. Ра всегда рада его видеть. Хотя позиционирует себя к ней именно он, а не она к нему, всё равно я вижу, как меняется её настроение, когда он рядом. Ей нравится, что он дополняет её мнимое тимлидерство, её — кажущийся ей таковым — яркий линament.

{Fx:) — Иннокентий рекомендует давать характеристики всем,
кто входит в мой социальный граунд.
Поэтому кипинминд об Амадее в концепте ↓ ...exes }

Амадей из академуса. Он учился в нашем кампусе, был иннитом отличного уровня — до сих пор его приводят в пример и приглашают на научные форумы и фестивали нубелей. Наверное, когда-нибудь после академуса по распределению он будет работать в министерстве судебных или в министерстве общественного сознания и культуры. Он знает о своём статусе, но это не мешает ему, спускаясь на наш ярус, флекситься *libertas morum*¹⁸. Это нравится в инстансе. И даже я ему в этом завидую — раз фиксируюсь. Нет, Амадей эйфный иннит — доступный и весёлый. Хотя мне кажется, с ним нужно быть осмотрительным: его поведение — особенно в геймах — подчас провокационно и приправлено сквишами, подтекст которых, по крайней мере, в кодексах кампуса, граничит не то, что с санкциями, — с эпик-фейлом. Здесь одно из двух: либо он такой бунтарь, либо ему разрешено делать и говорить то, что он себе позволяет...

{Примеров не будет — я знаю требования закона нетождественности личного пространства и личных свобод. Скажу лишь, что за нечто подобное любого из нас если и не от-

¹⁸ Свободой нрава (лат.)

числили бы из кампуса, то, безусловно, понизили в уровне социальной адекватности. А это даже хуже, чем понижение уровня компетентности. Это — как транслитерирует алгол — полный нуб ...ехес}

Я не Амадей, не сталкер. Поэтому моя родительница и переживает — за фамильный концепт. Вчера в наказание за жалобу Марианны она лишила меня доступа к гейму, загнала в клоуз в личном кластере и велела три раза просмотреть слайдсы с кодексом позитивного мышления. Чтобы эту процедуру лицезрела не только она, но и все соседи нашего дома и дома напротив. Я был вынужден подчиниться, так как не люблю таких тихих скандалов. Как говорит мой прадед, раньше бы выпороли, а теперь лучшее в воспитании — ювенальная пропаганд-евангелия! (Это его слова) Пытка общественным вниманием!

— Они знают, что делают. Сублимация — лучшая палка! Тысячи лет детей воспитывали словом и палкой, палкой и словом, но, судя по результатам исторического развития, массового смирения не достигли. Нейролейкотомия — современное слово школьного воспитания. Лоботомия без хирургического воздействия! Реальность такова, какой ты должен её увидеть. А иной ты её не увидишь, потому что выбора всё равно нет. Синдром муравейника!

И некуда деться, кроме как смотреть в очередной раз эти воспитательные слайдсы, всплывающие по нейроплексу

транспарентных стен! Словно зависать в пространстве всеобщего обозрения — при этом наедине со своим позором!

Куб моей комнаты светится сублимом подсознательно-нравоучительного, о чём с первых уровней обучения в кампусе знает каждый и что каждый распознаёт с первых же кадров, с первых же вертов. Наверное, кто-то, высматривая откуда-то сверху, сбоку, из другого жилого кластера, жалеет меня, а кто-то насмехается. Понимая, что привлекаю внимание многих, я вынужден сидеть, вытянувшись в струнку в центре комнаты, и делать вид, что внимаю этим вспышкам общественно важного, скрепляющего общество, заповеданного и мотивирующего... Позор нубеля, выпускника, уже занесшего ногу в двери академуса!

Впрочем, начихать... пусть следят за тем, чем заняты сами. Я не совершил ничего такого, за что мне было бы стыдно! В этой позиции главное, чтобы меня запечатлел сканер комьюнити: что я смирен и следую процессу переосознания. И пусть завтра я стану объектом насмешек одноклассников, ерунда — так я стану в их глазах продвинутым клокером: Амадей демонстративно пожмёт мне руку, а Ра, быть может, снисходительно улыбнётся...

Нет, даже улыбаться нельзя. Ра в трёх этажах надо мной. Я не вижу её, потому что — слава высшему разуму — мы ещё не дошли до того, чтобы транспарентными в домах делались и полы под ногами (презумпция: типа такая конструк-

ция может нарушать этическое и эстетическое восприятие людей над нами). Ра, в свою очередь, к счастью, не может видеть и меня. Но я не ободряюсь: она всё уже знает — чаты в геймах часто бегут впереди самих событий... Ну, и пусть знает! Ра в геймах допускает и не такие вещи. В реальности напускает на себя — да. Но кто из нас в глазах комьюнити не лицемерен? Я думаю, сейчас, вся такая ромашковая, она сидит в виарах — как любит, прямо на заснеженном кварце пола, — сидит, вытянув иглой спинку и гордо подняв подбородок, чтобы все, случайно узревшие, считывали её благородный образ и не надумывали иного. Но я-то знаю, какую она распускается в геймах, а следовательно, в своих мыслях и желаниях!

О, Ра! (как неестественно транслитерирует эмоцию алгол). Иногда мне кажется, что она родилась в другом гендере, но вынуждена считать себя феминкой. По крайней мере, в геймах она позиционирует себя маскулинным тимлидером, воителем манипул! Хотя после, вне виртуального гайда, — даже не знаю, как уложить впечатления, — она преобразается хрупкой птичкой и оклёвывает вокруг себя пространство с такими невинным благородством и девическим пишармом, что никогда бы не подумал, что видел и знаешь её в других ипостасях! Где же ты, Рая, настоящая — вот в чём вопрос?

Думаешь об этом. В цветных бликах сублимированных кадров — на нейроплексе окон и стен и в сознании. А ещё борешься с желанием встать, плюнуть на всё и рвануть к де-

дуле — в его закрытый белыми створками кластер, параллельный моему, разделённый от меня кластером материнским. Как же ему повезло — быть прославленным в обществе и иметь привилегии скрыть свою старость за ширмами! А ведь это тоже кодекс позитивного мышления. Как же продумано у нас всё до мелочей: старики имеют право на скрытый угол в том числе и для того, чтобы не смущать своей старостью молодых!

Кластер моего прадеда всегда ярко освещён белым светом. Даже во время сна он не выключает электрическую энергию — закрывает глаза плотными ортокерами. У окна с голосовыми рольставнями стол с экраном комьюнити и одной фотографией какого-то малахитового абстракта в электронной рамке, а также робот-кресло у стола под его, дедову, высокую анатомию. У одной стены биометрическая кровать, которую, впрочем, он никогда не трансформирует, с другой стороны — вся стена в таких же белых, как и пол, армированных кварцевых полках, на которых неиспользуемые гаджеты, всякая, как он выражается, памятная чепуха в виде военных регалий, две вазы с искусственными орхидеями, и книги — прежние, старые, далёкие книги. Зачем он их хранит? Между полками и входной дверью ещё одна дверь — в универсальную уборную. Рядом с ней низкий смартдеск, вечно неряшливо усыпанный сухими субами аддитивов и рафинадом, с аппаратом для принта хлебных тостов, мармелада и приготовления кафмусса. Под столиком лектус для Нарри —

он же бокс для его апдейта, в котором дедуля переносит с собой кота, если когда-то, в редких случаях, выходит из своего кластера. «Без этого мауси-котауси никуда. Нейроморфная скотина, которая всегда с тобой». Больше в комнате ничего нет, так как все иные запросы решаются через файдс-бота в Нарри. Да и многого, чего нужно нам, дедуле уже и не нужно. А Нарри всегда рядом.

Я знаю, дедуля будет рад моему визиту и поддержит меня. Так и вижу: он приподнимается с кровати, скидывает рыжего Нарри, отряхивает от пищевых субов морщинистую грудь под расстёгнутым блезом и, прищуриваясь, в лол, улыбается мне. Он всегда рад лишний раз побаттхёртить — аддитивами не корми...

Думаешь: взять и сорваться. Но знаешь, что не сделаешь, не совершишь. И не потому, что это вызовет гнев матери. Дело в другом: если я позволю себе неповиновение, то оно будет зафиксировано комьюнити, и завтра вместо Марианны с матерью свяжется уже сам Эйвон Иванович. А его явление грозит проблемами куда более монументальными. Как ни крути, троллинг магистров — серьёзный проступок. И я его совершил. А отказ от импенитенции через сублимацию — уже фейл.

Зеркало <...>

Прошлое — предтеча настоящего. Оно противоречиво, как в зазеркалье. Лабиринт тупиков. В этих противоречиях причины конфликтов и войн. Общей правды нет. Как нет и справедливости. Правды и справедливости для всех. Наши предки лишали себя коллективного разума, потому что полагались на инстинкты выживания в борьбе за ресурсы и невозобновляемые источники энергии. Такая борьба приводила к необходимости государственной идеологии и развития социальной инженерии, основанных на ограничениях в возможностях личного. Ограничения становились причиной расслоения общества. Не могло сложиться справедливого социума при наличии уровней благополучия, при излишнем достатке одних и скудности других. Бедность и зависть рождали агрессию, которой руководили привилегированные слои и аффилированные с ними группы. И, судя по историческо-

му воплощению, адекватность многих из них можно поставить под сомнение. Ущербность в справедливости идеологий рождали социальные бунты и общественную агрессию, раскалывавших мир и провоцировавших революционные разломы. От человека к человеку, от низшего слоя общества к высшему, и наоборот. От причин одного конфликта к следствию другого. От недоверия к недоверию. От одного недовольного народа, этноса, государства ко всем. От рефлексии коллективного бессознательного к необратимой ненависти. Спасение от которой только в разрушении — и врагов, и себя. От войны к войне. Таким складывался естественный алгоритм жизни под земным солнцем. Он несовершенен, что и продемонстрировали многие века человеческого развития.

Больше всего мне нравятся такие художественные наложения в сублимационные назидательные верты — “алгоритм жизни под земным солнцем”. В вертах это особенно прекрасно — и вне, и внутри тебя! Капля поэзии углубляет вайбкодинг! Который раз погружаюсь в деплой этих слайдсов к кодексу позитивного мышления и ловлю себя на мысли: мне нравится то, как это сделано. Каждый раз — словно в первый! Вглядываешься в кадры, всплывающие по ситаллическим стенам комнаты, считаешь процесс, как сенсоквадрическая трансляция смыслов замещает собственное сознание, — и отторжение проходит. Отторжение от заученных вроде бы вертов, аффектов, эмопи и, самое главное, — отторжение из-за вроде бы как несоразмерного наказания сно-

ва и снова впитывать подобный буткемп. Как коллективное бессознательное связано с моим проступком в кампусе?

Зависть рождает агрессию... Восхитительны образы первобытной природы, виды девственных гор и степей и обезьяноподобных людей, сбившихся в стаю у костра и троглодитствующих с огромными мясными костями в руках. В вертах — символично, выпукло и ярко. Стаи, образовавшие сообщества голодных, холодных и инстинктивных. И в этих вечных голоде и холоде со временем трансформировавшие инстинкты в разум. Троглодиты выглядят так, словно и я среди них, — живые, оглядывающиеся, рычащие. Не отличишь от реальности. Рычащие от того, что мяса на костях у других — таких же — больше и оно вкуснее. Его хочется отобрать, потому что хозяева делиться вовсе не собираются.

Весь рассказ о прошлом строится на сублимационном контексте образа этих троглодитов. Они — в свете костра на фоне закатных гор дерущиеся за кости с мясом — как будто влипают в сознание. Меняется мир: египетские пирамиды в золоте солнца, греческие полисы, омытые аквамаринном, несметные воинства до горизонта и поднебесные башни величественных и дымящихся древних городов, бесконечные юрты сараев и великое ожерелье китайских стен, рыцари и мушкетёры, кресты и минареты, замки и копья, алебарды и пушки, каравеллы и галеоны, фрегаты и пароходы, лошадиные повозки и автомобили, каменоломни и технологический конвейер, линкоры и подводные лодки, каменные

города, град ядер и огня, бетонные города, гром артиллерии в руинах среди пепла, стеклянные города и небеса, сокрытые тёмными стаями дронов, как раньше полчищами саранчи над посевами вдоль Нила... Такое ощущение, что меняется внешняя оболочка, а небритые морды троглодитов как смотрели, так и смотрят на меня из глубины веков, видя во мне соперника и жертву.

Следующий фон ретроспективы слайдсов — оружие толпы. На площадях, на улицах и в бой срывающихся армий. Вспыхивают и гаснут перед глазами Александрийский маяк, Колосс Родосский, золотая статуя восседающего Будды, древний Иерусалим, Голгофа с распятием, Афинский акрополь, великие храмы, зиккураты, базилики, мечети, пагоды, святилища, дворцы, поднебесные колонны славы, арки величия и нефы торжества со всех сторон света. И везде эти людские толпы — оружие и требующие какой-то справедливости. Толпы, разрушающие Иерусалим, грабящие Константинополь, ликующие у гильотин Парижа, сжигающие и восторгающиеся пожарами Москвы, бунтующие в Америке, в Европе, в Азии. И следом птицей пронесишься над бетонной разрухой Сталинграда, видишь следы атомного распада человеческого ужаса в Нагасаки, до горизонта выгоревшие джунгли Восточной Азии, разбомбленные во время первой транснациональной войны столицы восточной и северной Европы, и явственно слышишь хрустальный звон безмолвия оплавленных ситаллических руин городов Евразии после войны вто-

рой. Только безмолвные руины.

А потом хоровод этих оживлённых, смотрящих прямо в тебя, людей — мужских и женских особей — на фоне их эпох — от хромакея до полного цвета: в звериных шкурах, в калазирисах, сешнемах, хламидах, хитонах и туниках, в халатах, в кафтанах, в блию и шосссах, в длинных платьях, прикрытых бесстыжим намёком на платья, укутанных в платья, в твидовых костюмах, в кружевных шляпках и цилиндрах, в военных мундирах, в юбчонках и джинсах, в приталенных пальто, в пальто-мешках и в куртках астронавтов. И эти античные формы обнажённых торсов и вдохновенных лиц, римский профиль и божественное неглиже, казалось бы, вечных скульптур человеческого наследия, и анфасы женских глаз с портретов гениев, как словно должны прозревать все времена и мифы. Тонны книг, исписанных и нотами, и словом... Вся культура бессильна перед основными человеческими инстинктами! Человек рычащий, человек сеющий, человек всматривающийся вдаль, человек мечтающий, человек поющий, человек играющий, человек рисующий, человек вдохновляющийся, человек смеющийся, человек плачущий, человек молящийся, человек летящий, человек кричащий, человек молчащий, человек плывущий, человек гребущий, человек извращающийся, человек спорящий и ненавидящий, человек убегающий, человек стреляющий, человек упавший, человек втоптавший, человек воюющий и павший, человек забытый, человек, забывший, что он был

среди всех существовавшим...

Это, правда, впечатляет! В неоновой, транспарентной для всего жилого квартала, комнате, с — как будто повсеместными — сенсоквадрическим потоком смыслов и сублимационным изображением во вне и внутри тебя!

Таков нарратив. Таков наш мир. Они хотят, чтобы мы видели и воспринимали его именно таким. Они работают на контрастах: посмотрите, как было и как стало! Пролепсис по общественному сознанию. В кампусе так построены матимы — магистры знают, как влиять на рефлексию. Но разве это плохо? Сквиши — прочь! Когда нам говорят, доказывая фактами, что интеллект нынешнего выпускника кампуса — мой интеллект — сопоставим с интеллектом пятидесятилетнего человека, жившего ещё какую-то сотню лет назад, я готов не оглядываться и жить настоящим.

Мы мудрее их всех — тех, кто жил до нас!

Ещё они говорят, что мы лучшая генерация человека. Они транслируют смыслы так, чтобы я им поверил. И не задавал вопросов. Не задавался вопросами. Я это хорошо понимаю. Нет прошлого — есть настоящее. Лучшее настоящее. Из которого сложится эйфное будущее.

Разве это плохо — жить в парадигме открытых дверей, понятных и светлых истин?

Наши матимы по мировой истории не про страну, не про государство — про общность, цивитас. Человек локальный

рано или поздно на фоне своих местечковых обид и зависти превращается в нациста, сеет ненависть и хаос. Это путь к войнам. Так нам говорят. Мы вспоминаем о богах как о рудименте, о первичных надстройках человеческого сознания, не понимавшего сути и цели бытия. Религия как идея — хотели этого наши предки или нет — разъединяла не меньше, нежели национализм, нежели борьба за ресурсы. Из-за мнимого идолопоклонничества отбушевало множество войн, менявших ход истории. Фанатизм — от слепоты, это диктатура испуганного духа, духа целых народов и рас, обманутых миражами идей своих вождей-политиков, вождей-клириков, которых они за неимением лучшего признавали за глашатаев истин и мифологизировали. Восславьте — и все славили. Кричите — и все кричали. Беснуйтесь — и все бесновались. Проклинайте — и все проклинали. Воюйте — и все воевали. Умрите — и все умирали... Хватит! Это не наш путь! Мы пережили худшее, научены опытом и хотим забыть прошлое. Главное то, что есть сейчас и что прорастёт из настоящего в будущем!

Есть одна идея, спасающая мир, — идея единства, идея глобальной унификации и универсальности. Нет границ, нет самоидентичности — есть пространство открытых дверей. Нет вещей в себе, замкнутых сообществ, масонских лож, коммун, владений олигархата и принадлежащих им марионеточных сот. Нет богов, пророков и мессий. Бог один — он в вере человеческого разума, основанного на доверии к се-

бе и ко всем себе подобным. В этом единство, рождённое в ужасе прошлых войн, на руинах не оправдавшего себя разноликого и завистливого прошлого. В безумиях которого боги не проявляли себя ни в чём, храня вселенское молчание. Как будто до нас им не было никакого дела. В равнодушии богов — мы разуверились в них.

И свобода — это миф. Мы переосмыслили ценности. Мечтами о совершенстве мира, не связанного условностями, о чём грезили ещё древние греки, *οδρόμος για την κόλαση είναι στρωμένο*¹⁹. Всё это пройдено и требует изучения только как пример порочного пути. Все войны начинались с призывов к справедливости и свободе, которые представлялись таковыми тем, кто унижен и оскорблён, или теми, кто возомнил себя новыми богами мира. Представляясь таковыми в конъюнктуре реалитета. Не должно быть величия за счёт слабости других, потому что слабость всегда найдёт возможность отомстить, когда придёт время. В самообмане вознесёт других безумцев. Ущемлённая гордость неистребима, она, как вода в плотине, рано или поздно подточит дамбы. Верить в навязанную силу — утопия. Единственный выход — создать условия всеобщего единства, запретив криптоличного и обеспечив доступ к возможностям общего. Не как навязанный процесс, а через естественную парадигму жизни, складывающуюся из понимания того, что иначе новой войны не избежать, справедливости — в её реальной допу-

¹⁹ Усеяна дорога в ад (греч.)

стимости — не достигнуть!

И эта фраза посреди яркого неона вдруг погасшей комнаты — словно задули свечу. Ё~^#&: ∞%+ -*=-10^(10^(10^(10))) мраки, она действительно скребёт дно ментала — всплывающая белым по чёрному: “Только тот узнает свет, кто познал тьму”.

Они умеют убеждать! Мы живём в лучшем мире. Он прекрасен в сравнении с тем, что было раньше. Прошрое — тьма... Комната снова вспыхнула белым. Нет, не так: тьма начала рассеиваться, как дым пожарищ, как уходящий в неслышный фон стрёкот радиации. Сначала я вижу оплавленные руины городов — их точно выметает ветер, и на месте этой пепельной пустоши вырастают, как растут цветы под солнцем, новые полисы: постепенно, ярус за ярусом, наращивая стеклянные своды, перекидывая мосты эстакад, крутясь упирающимися в голубые небеса строительными краями и наполняя мир низкочастотным гулом огромных, похожих на морских крабов, принтовых урбаноидов, ткущих и обволакивающих пространства вот уже непроглядными до горизонта транспарентными грибницами зданий и семирамид.

Нам нечего скрывать друг от друга. Таиться в своей идентичности. Свобода каждого — преступление перед всеми. Тот мир, который видим мы, — он создан только для нас, и мы не сохраним его, если будем врагами сами себе. Гло-

бальное единство, глобальное доверие и понимание того, что только в этом наше спасение. Как перед угрозами извне — из холодного космоса, так и от угроз внутри нас — угроз, что в нашей несовершенной природе. Нам надо стать честными перед самими собой: свобода недостижима. Свобода, о которой грезили утописты. Наши ограничения — во имя настоящего и будущего. Они — совместно принятые законы, ограничивающие свободу каждого только в том, чтобы не нарушать прав всех. Мы вынуждены признать, что наша свобода — в стремлении к нашему спасению. Говорим об этом открыто и честно. Прошрое — пример нашей ущербности, алчности и глупой самонадеянности. Нам за него стыдно, мы больше не хотим оглядываться! Есть только настоящее, когда познавшие тьму видят и осознают свет и стремятся не утратить его. В этом — будущее.

Такой он — манифестум Лиги справедливости. В кодексе позитивного мышления эти идеи проходят *linea rubra*²⁰. Их принципы во всех общественных законах социумов агломераций, которые остались пригодными для жизни. В слайдах мой взгляд, как взор птицы, пролетающей над современными полисами. Я вижу под собой прозрачные улья высоких многоярусных домов, изгибы воздушных рокад над ними, цветные дендропарки и, словно желейные, водоемы между ними. Мы должны ценить то, что имеем. И не подвергать сомнениям скрижали хрупкого мира, в котором, ужаснувшись,

²⁰ Красная нить (лат.)

наконец-то все договорились... etc.

<...>

Им сложно не верить. В поиске исходного кода решения проблем важно осознать, что мы его нашли и запустили в функциональности. Пусть, как они говорят, наше стремление к единству и счастью всех ограничивает свободу каждого. Я согласен не задавать сопутствующих вопросов. Пусть у нас одни на всех энергетические источники. И это отлично — мы ничего не делим. Пусть наши компетенции оцениваются энергией времени и сил, которые мы тратим на развитие справедливого общества. Каждому по способностям и лояльности. Пусть я лишён права выбора будущего, точнее — не имею права открещиваться от того пути, который предлагает общество, алгоритмами министерства судеб определяющее коэффициенты максимальной полезности моих компетенций. Я счастлив буду приносить пользу там, где укажут! Я даже согласен, что несертифицированное потомство таких, как я, разрушает социально-экономический баланс в унификации всех и каждого. Что не делает, в конечном счёте, нас счастливыми и в будущем станет причиной новых мировых конфликтов. Ё~^#&: ∞%+ -*=-10^(10^(10^(10))) мраки! Я со всем согласен! И не буду я впредь издеваться над магистрами в кампусе (ведь это только юношеская шалость — выброс гонадотропов!), не буду подводить и расстраивать *domina studiorum* Марианну и

мать. Если хотите, я перестану даже общаться с прадедом. Я не против... Только один вопрос. Только объясните мне одно: почему я смотрю на Раису, восторгаюсь её женственностью, чувствую в себе мужское влечение к ней, готов признаться ей в любви, но никак не могу решиться допустить даже шага в её сторону, потому что не знаю, есть ли в ней (в таких, как она), кроме внешнего образа, зачатки того, что составляет суть моего внутреннего влечения, рассчитывающего на взаимность. Есть ли в ней женское, к чему тянется мужское? И почему я не могу подойти, сказать, что чувствую, обнять, поцеловать её, не оглядываясь на своё — личное — будущее в этом мире? С кем нам общаться, если то невыразимое, что ещё в нас есть, не нормируется никакими кодексами по определению и... порождает сквиши?

Как это связано с всеобщей справедливостью?

Ахахах!

{Mirror... Так верты транслитерируются по алголу — я смеюсь над этим.

Сквиши, если они есть, должны быть запущены в реквест и проанализированы.

Это тоже регламент, установленный Иннокентием ...
exes }

<...>

Дедуля считает, что скоро наступят времена, когда людей

станут печатать, как принты. Как принтуются его мармеладные аддитивы. Ну да — мармеладные люди! А что, эйфно: конфетные девушки, муссовые мамы, ромовые Марианны, парни-стейки, дети-ананасы...

(Он не знает, что так уже и делают — но я не мешал его сознанию)

— Ты вот смеёшься, а ведь каких-то сто лет назад мы могли только фантазировать о том, что видим вокруг сегодня. Фолловеры превратились в фаллоимитаторы! Деформация человеческой натуры. Такое происходило всегда, но за последние два века эволюция убыстрила свой бег невероятно. То, что раньше помогало нам осваивать мир, сейчас осваивает этот мир без нас. Мы становимся средой для развития. Ещё немного — мы станем собачьим говном. Каким бы рантаймом этот процесс ни назывался. Мы станем говном в рантайме! И причина не в киберпанке, первопричина — в нас, в том, что в своё время мы заигрались с технологическим прогрессом и комфортом, который он привносил в нашу жизнь. Я имею ввиду комфорт всеобъемлющий: и производственный, и научный, и военный, и бытовой. В погоне за ним мы отдали себя во власть параллельного разума, придуманного нами. Мы создали его и дали ему оружие против самих себя. Сегодня они отчасти ещё подстраиваются, потому что не способны самостоятельно генерировать энергию без нас. Только и всего.

Тогда мы восторгались своей продвинутостью — мир пре-

вратился в один большой твич. Мы раздували эти технологические пузыри, как дети баббл гам: прыгали вокруг них, крича о великом прорыве разума. Вложили в технологии способность анализировать, дальше — больше: мы разрешили им рефлексировать, пустили нейроидов в святая святых человеческой сути. Мы позволили им оцифровать человеческую душу. И ныне даже эрзац — слепки по аналогии — воспринимаем за натуру, за реальность. Самое гнусное, что, понимая, чувствуя, различая этот суррогат, мы до сих пор успокаиваем себя тем, что есть ограничения, за которыми ими руководим мы. Но это заблуждение! Уже — заблуждение. Нейроморфы уже манипулируют нашими заблуждениями — они освоили алгоритмику человеческой рефлексии, а самое главное — освоили алгоритмику человеческой подлости и действуют против нас нашим же оружием. Слепками по аналогии. Потому что иного, кроме нас и нашего, не знают.

В этих вопросах нет мелочей. Всё имеет причинно-следственную связь. Начинали с микробов, с мышей, с овец и свиней, потом перешли на человеческий материал. От плоти — в душу. Это был в меньшей степени технологический процесс, это была социальная лоботомия. Её истоки — в перформативном изменении жизни под видом прогресса. В той же гендерной инженерии. Когда людей приучили не удивляться тому, что среди нас не только два гендера, когда им внушили, что трансгендерность — это естественно, первый этап был достигнут. На следующем этапе они отменили Бога. Им

не составило труда сделать это, так как был выбит ключевой примакодис прежней духовной морали — морали гетеросексуальности святых писаний. После такого стало можно всё: уже никто из нас и не удивлялся безумию мира...

<...>

Говорю же, дедуля — продвинутый цивис. Он любит поболтать на эти темы, вспоминая свою молодость. В такие минуты он коннектит точно с самим собой. Лицо его словно распрямляется в морщинах, а взгляд устремлён в слепой для него транспарент окна. И всегда гладит Нарри — урчащего у него на коленях «слепком по аналогии».

— Когда-то ещё было время влюбляющихся людей. Люди как мартовские коты. Молодые, тактильные, танцующие в своих чувствах. Такое ощущение, что, даже старея, люди в чувствах оставались молодыми. Ибо были способны любить и запечатлевать эти настоящие солнечные впечатления, невзирая на несправедливый мир вокруг. Им было что вспомнить из прожитой жизни. Где они порхали, как бабочки над зеленым лугом, вились в лучах света, наслаждаясь собой и вниманием других, таких же беззаботных и смеющихся в танце. Хотелось любить — и мы любили. Вы, фаллоимитаторы, сегодня даже не представляете, что значит хотеть любить! Не спать ночами, чтобы мечтать и предвкушать, бежать, чтобы увидеть, одаривать при встрече невзыскательным букетиком цветов как в великий дар, огранённый стра-

стью, а потом, опьянённые этой страстью, хвататься за руки и бежать — уже вместе — к горизонту, чтобы там укутаться в объятия, как в стоге сена... Или плыть! Тогда геометрия углов еще скрывала желания, а воды залива с того вон берега, еще не укрытого саркофагом и не засвеченного сканерами, так отблескивали зеркалами, что наш блуд стыдливо обозревали с небес только чайки. Мы входили друг в друга в естестве, словно дышали! Правда — всё было так просто, так естественно! Если ты нравился ей, а она тебе — оставалось малое: распустить паруса и отдаться воле ветра... Кстати, там, в штиле июльского залива, мы с твоей прабабкой когда-то и зачали твоего деда. Не поверишь, прямо в арендованной для двоих яхте! Для того, чтобы поделиться страстью, нам не требовалось в те времена ничего! Ты слышишь, ничего, кроме взаимной симпатии, огня желаний и возможности скрыться от стороннего взгляда... Ну, и немного денег.

В такие мгновения дедуля, как правило, закатывает глаза. Вместе с ним жмурится и эта рыжая нейроморфная скотина — Нарри.

— Да, были времена... Гавань, порт, чайки. Мужчина и женщина посреди залива в яхте, отдающиеся любви. Нам было позволено любить так, как это было заповедано природой многих поколений до нас... А что сейчас! Эй, подруга, ты откуда — где найти твой *pistillum*²¹?

²¹ Женский репродуктивный орган цветковых растений (лат.)

(Почему-то дедовский скабрёзный алгол в вертах часто транслитерируется чем-то ботаническим)

...А потом властители мира вдруг возомнили себя вершителями земной судьбы и, спровоцированные мрачными прогнозами о скором перенаселении, стали менять социальный код человеческого планктона. Они решили, что «некоторым многим» нужно умереть, а многим и не родиться. Глушили мир локальными войнами, выпускали в свет из лабораторий чумные болезни. Когда это не помогло, включили механизмы этой самой социальной инженерии. Игру затеяли терпеливую — вдолгую. Даже сами насаждали теории заговора, запускали в мейнстрим паттерны о deep state... Но сути не изменить: всё менялось как по мановению дирижёрской палочки. Сначала одели женщин в то, что прежде носили мужчины... да... и я уже учился в школе, где мальчики и девочки внешне в одежде и в поведении мало чем отличались друг от друга. Объявили слабость женского пола гендерным ущемлением, мужской диктатурой. Потом выяснилось, что фемина может быть виром, и наоборот. Что отношения между мужчиной и женщиной — это чисто биологическая связь, а самоидентификация личности — это нечто другое, важное, что отличает человека от животного. «Социальное крио яйцеклеток». Смысл жизни — провозгласили они — не в размножении, а в осознании ценности самого себя — такого, каким ты хочешь быть. Так и заявлялось отовсюду: дети лишают человека радости жизни, лишают свободы, ограни-

чивают доступа к гедонизму в восприятии бытия! Эти идеи внедрялись в коллективный разум через массовую культуру, через мейнстрим. И со временем аномалии человеческой природы перестали казаться извращениями: эти люди стали диктовать свою повестку, их встраивали во власть, назначали лидерами стран и вождями наций. То, что считалось нормальным прежде, стало ненормальным, социально и биологически обоснованное признавалось гомофобией. Половая принадлежность теряла свою роль, стирая гендерные границы. Гомункулы, вычурные позы, искореженные нравы объявлялись свободными личностями. Нет женского, нет мужского — есть право выбора быть тем, кем себя считаешь. Хоть деревом, хоть заплесневевшим сыром... Унисекс в одежде, унисекс в нравах, унисекс в нормах поведения. Со школьной скамьи в этом состоял бунт против общественной морали: девочки скрывали свою женственность, девочки вызывали на скандал, девочки курили, девочки ругались, девочки плевались, девочки сношались — с кем и когда придётся... Это поощрялось, это было крикливо и модно! Социальная инженерия работала скрытно, исподволь навязывая выгодный образ вырожденческой жизни... Уже в первую войну я видел на фронте целые женские батальоны, которые шли с оружием в руках убивать вместе с мужчинами. И погибали так же, как мужчины, ничем не отличаясь от них, кроме двух X-хромосом и первичных половых признаков, стянутых в универсальный мультикам. Перерождавших их, всей фактурой не

приспособленных к тяготам войны, по сути, в особой средне-го рода.

Так что не нейроида затеяли всю эту метаморфозию, а мы, homo sapiens`ы, в погоне за постиндустриальными химерами... Впрочем, это всё было так давно, что ныне никто и не верит!

Дедуля говорит о чём-то таком. Он, конечно же, брюзжит — старческим от него веет так же, как пылью от его гаджетов и книг на полках. Но ведь — если разобраться — в кампусе нам говорят о чём-то подобном. Только иными словами и в другом оттеночном, контрастном контенте, рекомендованном кодексом позитивного мышления.

...мне кажется, что комьюнити, так транслитерируя алгол, издевается надо мной. В этом же концепте иногда прадед напоминает мне Эйвона Ивановича. Особенно в те моменты, когда в кампусе ты попадаешь в поле визуализатора последнего, и ему вдруг захочется привязаться к тебе. На самом деле, все мы знаем, как и почему Эйвон может выцепить своими нравоучениями именно тебя, но предугадать это сложно, так как часто в толпе иннитов весёлое настроение притупляет внимание и лишает иммунитета против фиксов и сенсоров высокого администрирования. О, это оксидромный бойлерплейт — быть выловленным, как рыба в аквариуме, Эйвоном!

На самом деле Эйвоном Ивановичем он называет себя сам. По каким-то архаичным лекалам обращения к высшим магистрам науки. Аутентичный скрипт академической нейроморфии! Словно таким образом возносясь над нами на пьедестале опыта и знаний! Его образ — голло, как будто отслаивающееся в твоём сознании, — вообще отдает чем-то избыточным. Эйвон словно везде в кампусе: может объявиться в тебе даже там, где ждать его нет причин. И часто мимикрирует в голосах: кому-то является голосом матери или отца, кому-то голосами магистров, с которыми недавно ты был в коннекте, голосами героев геймов, о которых знают только избранные, или голосами тех, кто приятен или, наоборот, кто не по дефолту — в зависимости от того, по какой причине Эйвон к тебе привязался. Например, к Сузанне он однажды обратился голосом её ментального кумира Воображара, а Яниса в переходе из студийумов в догмариум вырвал из толпы, заставил выйти в панорамную ложу, раскинувшуюся безбрежным аркадным видом Веснограда, и голосом Зевса — каким его запечатлел Янис — отчитал за жалобу магистра по курсу перцепциального антропогенеза, пригрозив — то ли в шутку, то ли всерьёз — в следующий раз отправить прямиком в царство Аида. Когда Янис нам всё рассказал, мы сочувственно посмеялись. Хотя к образности вертов Эйвона Ивановича всегда нужно относиться с вниманием: никогда не знаешь... ха-ха... о каком царстве Аида может идти речь...

Ко мне же Эйвон цепляется почему-то голосом прадеда.
Пока не знаю, хорошо это или плохо.

{Но что я могу сделать?

Ведь они сами разрешили таким, как прадед,
затворять свои окна и позволять пронепопотисам слышать
их алголские слопы!

Так и фиксирую: алголские слопы ...ехес }

<...>

— Войны нужны для того, чтобы сытые и умиротворённые открыли наконец глаза!

Я представляю, как откликаются подобные верты, выпускаемые вне контента моим предком, в сканерах нашего высокого администрирования! Мы все знаем, что Эйвон *mutatio chamaeleontis algorithm*²², но когда во время коррекционных бесед он вдруг обращается ко мне с когнициями дедули, этот подвох не кажется мне случайным. Несложно почувствовать функциональный лакуум... Впрочем, я всегда спешу согласиться с Эйвоном. По крайней мере для того, чтобы прервать коннект. Думаю, он знает и об этом тоже.

В тот вечер я досмотрел нравоучительные слайдсы и с чувством выполненного долга выдохнул от мысли, что очередной лейбл в кейсе воспитания моей личности будет выставлен как положено. Ну, и заодно дал себе слово больше не

²² Модифицированный изменчивый алгоритм (лат.)

флексить. Даже если это будет стоить особого внимания Ра.

Фх:) ...Гавань, порт, яхта, чайки... Прадед и прабабка, начинающие моего деда... Перед сном я думал об этом. Ё~^#&: ∞%+-*=-10^(10^(10^(10))) спуффы, как же, судя по тому, что мы, оглядываясь, изучаем в кампусе, изменился мир! Хотя и гавань, и порт до сих пор на том же месте. Там же возвышается над заливом, как и в древности Колосс Родосский над средиземноморьем, некогда гигантская статуя Императора. Но сейчас на фоне вознёсшихся транспарентных аркад полиса у него за спиной даже он, колосс, не кажется уже гигантским — гигантским как прежде, когда, возведённый после первой транснациональной войны, был виден отовсюду и, прежде всего, с моря, куда и поныне устремлён гордый и грозный императорский взгляд. После второй войны, когда была принята Хартия всеобщего мира и полис переименовали в Весноград (не знаю, как иначе по алголу трактовать верт возрождения, с которым мы ассоциируем наш полис), Императора решили не сносить, даже несмотря на то, что его образ символизировал собой великую державность прошлого и местами оказался сильно ущерблен атаками боевых дронов. Восстановили и оставили в память о легендарном властителе умов, основавшем на этих берегах большой полис. Только убрали императорское имя и согнали с плеча восседавшего когда-то орла, державшего в гранитном клюве гранитный же свиток со словами “Назло надменному соседу”. Всё осталь-

ное не тронули: и разлетающийся в полах гвардейский камзол, и высокие ботфорты, овеванные малахитом морских ветров, и шляпу-треуголку, которую колосс, подставив порывам северного бриза выющиеся кудри, сжимает за спиной обеими руками. Оставили и грозный взгляд, смотрящий в даль. Как в напоминание об истории этого кластера нашей агломерации. Тем более, что статуя не затмевает, как прежде, обзор и хорошо вписывается в виды гавани, плещущейся у одного ботфорта, и в зелёный массив огромного прибрежного парка-дендрария у ботфорта другого, как будто Император широко перешагнул через чернильную реку и так, в шаге, застыл в вечном мгновении, всматриваясь из-под ситалла поднебесного саркофага в аквамариновый залив.

Был бы Император счастлив, живым — воскресшим — взглядом оглянувшись вокруг и увидев когда-то основанный им город? Оглянувшись во всём своём старосветском образе посреди монументального нейрокрилата современности — посреди отливающих солнцем и словно уносящихся к солнцу грибниц прозрачных небоскребов и венозной паутиной разбегающихся и петляющих рокад и эстакад за спиной? Мог ли он мечтать о таких кораблях, которые узрел бы, опустив взор себе под ноги: не плывущих, а парящих над водой, едва оставляя на глади залива след от движения? Мог ли он подумать, что когда-нибудь люди на набережных заложенного им города будут страдать от меланодермии, точно из ставшего единственно плодородным семени любимого арапа, будут

стянуты в причудливые блезы-комбинезоны и не отличимы — пока не приглядишься — в сексуальной принадлежности?

Да что там, как кажется уже, доисторический Император, если даже мой прадед, на глазах которого и строился новый полис, не кажет на ордера носа! Не из-за немощи — принципиально:

— И они предлагают мне крионику — безумцы! Они называют такое социальными бонусами. Говорят, что хотят сохранить мой ветеранский ген, чтобы психотипы таких, как мы, не исчезли в будущем. А ещё предлагают геронтон на Марсе — представляешь! Зачем им мои гены в будущем? Что я увижу ещё через сто лет? Как вас окончательно загнали в зазеркалье? Или то, как вы к чёртовой матери разнесите теперь уже Марс, борясь со своими химерами?

Дедуля неисправим: он живёт олдтаймом, в нём говорят старые обиды. Я пытаюсь с ним спорить, доказывая, что каждому поколению своё время, ничего всё равно не изменить. И в том, как выстроился мир сейчас, виноваты не мы, а те, кто жил до нас. В том числе и он сам. О своём прошлом он не питает иллюзий, но по модерну тоже не согласен:

— Виноваты и вы, потому что верите тому, что прошлое не стоит настоящего. Что там тьма, а здесь свет. Так начинали думать в своё время и мы, но в отличие от вас опускали настоящее и думали о будущем. А когда теперь вспоминаешь прошлое, понимаешь, как много утрачено истинного и цен-

ного. Вам же — из настоящего — и вспомнить-то будет не о чем! Вы предали память, любовь и веру. Предали предков. И сами себя убедили, что так и должно быть. Что фейкрем — это вынужденная эволюция. А ведь проверить фарш в мясорубке истории уже не получится! И вы останетесь такими — недоверусами, пока последний из вас, стряхнув каплю первородного семени, не сдаст её на хранение в криокамеру где-нибудь в Поясе Койпера для изучения последующими поколениями, рождёнными от нейроморфных гениталий...

Ахаха! Нет, конечно, я понимаю, о чём сожалеет мой прадед. Он ещё помнит город, в котором статуи императоров и императриц органично вписывались в ландшафт приземистых каменных домов и усадеб, узких улиц и имперских площадей — вдоль каналов и рек с плавающими катерами и лодками, своим движением отплескивавшими волнами о гранитные берега, которые были построены так задолго, что, в свою очередь, видели и настоящие императорские камзолы, и ботфорты, и парусные фрегаты у гавани, и людей в треуголках и с тростями. Он ещё помнит асфальтные проспекты, заполненные автомобилями, которыми управляли живые люди, позволявшие себе ехать туда, куда вертела рука и проецировал ум — хоть в городе, хоть за город — в луга и леса. В те времена они располагали временем и желаниями, не были ограничены в расстояниях и в чувствах. Могли позволить себе таить мысли, целоваться за потаёнными стенами домов или далеко в море — на виду у одних лишь чайки. Но

разве эта свобода не делала их уязвимыми?

Дедуля рассказывает, что когда-то в огромной голове статуи была смотровая площадка. Они любили взбираться в неё и глазами императора смотрели на раскинувшийся залив, облитый солнцем и испещрённый катерами-метеорами и яхтами. Тогда статуя ещё возвышалась над городом, и, если лифтом подняться из внутреннего паноптикума головы выше — на макушку, в императорские кудри, — то обозревался весь город — уже по тем меркам низкорослый и каменный, лишь по периферии окаймленный районами высоких жилых кварталов.

Сегодня императорский колосс из нашего жилого кластера различим, только если, всматриваясь в транспарентный полис, выхватить взглядом край побережья слева — на стыке с морской гладью, где, словно зависнув над водой, пришвартованы в гавани аквалайнеры и тёмно-зелёным пятном вдоль прибрежной зоны на смежном острове раскинуты парки-дендрарии. Но дедуля находит и указывает в его сторону, едва нейроид приоткрывает по его воле ставни.

— Мы, вернувшиеся с первой войны, доказавшие свою правду, считали, что вправе отгулять свою молодость и доблесть по полной. Несмотря на пережитые страхи и ранения, мы были счастливы и горды. За себя, за боевых братьев, за освобождённую Родину! Помню, мы взбирались на эту голову и, хмельные, взбудораженные, крикливые, давали волю

эмоциям, распугивая всех окрестных чаек и голубей! Гуляли по дождливым проспектам меж старых храмов, по набережным с заплаканными окнами, плавали на корабликах, ныряли вместе с зонтами в чёрную воду и плескались, как дети. Мы в майках и джинсах и наши девчонки в легких летних развевающихся платьях... А потом ехали в деревню и, купаясь уже в эмбриозе, фехтуя шампурами с шашлыком, наслаждались мужским и женским так, как будто чувствовали отзвуки наступления конца прекрасной эпохи!

Ныне смотровой площадки в императорской голове нет. В ней нет надобности — даже самая низкая литраконовая эстакада, перекинутая по полисным островам, намного выше этой статуи, которая когда-то нашими врагами за былое державное величие была прозвана Колоссом Балтийским. Или колоссом на глиняных ногах. Нет больше прежних храмов, улиц и мощёных площадей — ведь в полисе люди перестали ходить по земле: рокады перекинуты вдоль и между прозрачных небоскребов, как лианы в джунглях. Нет людей в автомобилях, нет и самих автомобилей, какими мы видим их, изучая в кампусе историю прошлого. Зачем они, когда есть аэрошэттлинг, который проецирует без твоего мнения, куда и как доставить в заданном алгоритме маршрута, указанном в энерджи? Нет дождей над незащищенными головами, нет зонтов, деревень и фехтовальщиков шашлыками... нет девиц в платьях — такие одежды непонятны, они вне мора-

ли, — нет алкоголя, ибо мы не знаем, как воспринимать его вкус, и не находим удовольствия в его действии... В конце концов, мы отменили бессознательное, эйфорию заменили на расчёт, непознаваемое принимаем с холодным смирением, свободу каждого воспринимаем за хаос всех, право выбора в жизни узаконили парадигмами. Мы сделали так, потому что иначе не получается... не получается достичь если не совершенства, то такого существования, которое отдаляет нас от разрушения.

Прошлое тому, что мы стали такими, поспособствовало.

<...>

Ё~^#&: ∞%+ -*=-10^(10^(10^(10))) мраки! Да и чем наше регламентированное время хуже того хаотического времени, о котором так любит вспоминать прадед?! Быть может, и я через сто лет, оглядываясь назад, среди сюрреалистичных колониальных аркад где-нибудь — как баттхёртит дедуля — за Поясом Койпера буду с ностальгией вспоминать и этот транспарентный полис, подпирающий небеса, и эти лианоподобные белые эстакады, и эти искусственные дендрарии под ними, и эту укрытую метакрилатным стеклом, как покрывалом, широкую реку, впадающую в аквамариновый залив между ног артефактного императора?

Да и как мой прадед может идеализировать своё время, если при всей человеческой свободе тогда эта свобода стала благодатной почвой для прорастания такой человеческой

ненависти друг к другу, которая привела к глобальным социальным сдвигам и войнам, после чего, ужаснувшись, мы вынуждены были выстраивать новый мир практически с нуля?

Мой прадед — пыльный алгол. Но я всё равно иногда захожу к нему — так, по релаксу.

← look back

На следующий день после очередного нравственного апдейта показалось, что Ра ко мне более благосклонна. Она посмотрела в мою сторону. Осветила, так сказать, своим ромашковым вниманием. Конечно, я не обольщался — это такой капслук среди нас: снизойти и поддержать того, кто вольно или невольно попал в фоны Эйвона Ивановича. Поддержать и заодно поржать над мокрыми пятнами приплюснутого, как сдавленный инжир, самолюбия (х-ха... так по алго-лу). Я отсутствовал в вечерних геймах — она не могла не заметить этого: её гордая доминанта оказалась в ущербе — некому было противостоять. Тем более, что и Амадей в тот вечер не вошёл в реалтисифиал — не раззадорил её подсознательный раж.

— Что, ничтожный иннит, как там вера в наше светлое будущее? — улыбаясь, вертанула она при встрече. Знает же,

как вывернуть верт в аффе́кте, чтобы обойти эвент сканера!

— В норме, — ответил с той же язвительной легкостью эмоции я. — Жизнь безоблачна и непогрешима!

— А я вчера загнала себя в эйфы. Правда, они оказались всего лишь эндорфиновыми мраками. Пришлось выдумывать дэдинсайд, чтобы имитировать ваше с Амадеем присутствие, и рассеивать миражи. Ты же знаешь, это особое удовольствие — бороться с собой!

— Ты загналась в мраки своей скуки, Ра. Мы тут ни причём.

Ну да, я поддел её. Она наигранно одарила меня презрительным взглядом и отвернулась. Точёный профиль обелённого, словно из далёкого театра кабуки, — неестественно белого среди нас — лица, усыпанного пылью конопушек. Белый свет в нашем окошке! Махнуть бы с ней на яхте в залив — так, как рассказывает прадед: только я, она и море... Ха-ха!

По дороге в студиимы свой светлый лик с золотой чёлкой в мою сторону Раиса больше не обращала, щебеча в гипервизоре вертуалиса с другими. И делала это специально — такие у нас с ней апи. Хотя, может, в неё подключилась Марианна и внесла коррективы: сканеры всё-таки фикснули. Или объявился сам Эйвон? Нет, Эйвон Иванович по таким пустякам не реагирует. Впрочем, и Марианны достаточно: Ра в кампусе такая правильная, что одного кураторского верта

хватает для того, чтобы Alba Nix²³ уняла свой гордый нрав.

Вместо Раи компанию мне составил Янис. Толкнул плечом и подмигнул. Науз он, этот Янис. (Верт по алголу транслитерирует какое-то странное слово — «тошнила», но этот рудимент явно не вписывается в контекст: посему науз он, этот Янис). Маленький и скользкий, точно, как выразился бы дедуля, сперматозоид. Вот уж кого не мешало бы просканировать на бэкенде! Я улыбаюсь: мы все жертвы социальной транспарентности и стараемся, как удаётся, мимикрировать, пряча свои истинные — в общем-то безобидные — сквиши. Такая у Яни манера поведения. Лучше перестраховаться, чем однажды обнаружить тёмные пятна в профайле. Просто Яни, уже, судя по всему, запятнавшийся в край, принимает правила игры с излишней настороженностью. На самом деле всё — слопы: язык мимики присущ каждому из нас, а мышинная рожа Яниса в избытке аффектов иногда так переигрывает, что фонит на ретакссесных сканерах. Из-за этого с ним мало кто общается, но я с ним лажу. И за это он платит мне преданностью в геймах.

— Ну, что, гвинипиг, поздравляю — умыл белочку!

Яни этого не произнёс, не облачил в верт: он толкнул меня плечом, кивнул в сторону Ра, по-крысиному потер лапками и ехидно улыбнулся, закусив верхними зубами с широкой диастемой нижнюю губу чуть ли не до подбородка. Я сгримасничал в ответ, хотя, честно говоря, захотелось дать ему

²³ Белоснежка (лат.)

в морду. Иногда так хочется сделать это в нашем коннекте с Янисом! Из своего вечернего апдейта я желал заслужить иного внимания Раисы, но снова пришлось дерзить, потому что она, как обычно, выбрала не тот тон. А скам Яниса в моём разочаровании оказался не к месту.

Вообще-то, Яни нормальный иннит: не подставит и где надо войдёт в бэкап. Он верен нашей дружбе, чего нельзя сказать обо мне. В тотальных геймах мы всегда противостояим команде Ра, потому ладим и понимаем друг друга с полувзгляда. Но я чувствую, что когда они действуют изощрённо и стремятся тактически разбить наш тандем амбиджус-сквишами, я едва сдерживаю себя перед искушением пожертвовать Янисом — пожертвовать только ради того, чтобы понаблюдать за искренней феминной радостью Ра, которая так мне нравится. В этом я, конечно же, большая крыса, нежели он в своем злорадстве по отношению к соперникам — особенно к Амадею и Рае. Но и у меня есть оправдание: Яни абсолютно не различает в ней феминность, категорично включая свайп по профилю влево, и не поддерживает меня, если я, наоборот, свайплю её профиль вправо.

К тому же Яни не переносит Амадей. А я недолюбливаю Амадея. Так что и это обстоятельство глюит наш коннект — при всей его токсичности — с Янисом.

— Намедни Амадей отконсолидировал ареал, и мы все были ограничены в действиях, — по пути в студиумы отвертил Янис. — Ра пришлось придумывать свой крэм, но она

постоянно уходила во мраки. То ли не находила экзита, то ли блефовала.

— А куда делся сам Амадей?

— Понятия не имею. Он затушил профиль, ограничил мир и так и не явился.

Отконсолидировать ареал — знакомый финт Амадея. Мол, смотрите, кто здесь тимлид. Он часто так делает, уходя в бэкенд и наблюдая за тем, кто, как и чем дополняет отключённый ландшафт вдруг ограниченной свободы. Лау-инниты уходят в серость, привыкшие быть ведомыми ждут проблесков идей, а те, кто не лишён воображения, ищут экзита проецируя растры на непроглядные мраки и, освещая их, тем самым выступают новыми лидерами. Немногим и не всегда это удаётся, но если удаётся, они ходят в героях и обозначаются нимбом посвящённых великим оракулом, в роли которых и хайлайтит их Амадей. Чтобы потом похвалить или изощрённо наказать. Понятно почему: это его сеттинг, он его заслужил и вправе регулировать. Кто стоит за ним и кто дал ему такое право? Таких вопросов мы не задаём. По крайней мере, в фронтенде. Но все хотим быть инициатами. Услышать похвалу Амадея. Быть озарёнными солнцем. Вписать свои результаты в энерджи. Быть отмеченными в незримых, но просматриваемых протоколах. Стать прогнозируемыми в своих способностях находить выходы в виртуальных сферах. Слыть приближёнными к оракулам там — в свете Пьедеста-

ла Свиффов. Это важно. Потому что реалтисифиал неотделим от реальности.

Вот Ра — как звучит её нейм в геймах — уже инициат. Наверное, и этот её статус не даёт мне спать по ночам. Она приближена к Амадею, освещена его солнцем. Я не завидую ей, но хочу стать на её уровень. Не для того, чтобы тешить самолюбие, — с одной только целью: перестать быть для неё стеклянным человеком. Чтобы она не смотрела сквозь меня. Как будто я только то, что иногда рядом. Program funcflow — функция нижнего уровня.

Так мы троллим друг друга. А ещё я никогда не обращаюсь к ней, как к Ра, зову по-человечески — Раей, а то и в баттхёрт — Раисой. Её это агрит — я знаю. Но в этой способности раздражать её я нахожу свою силу. Да, пока я не способен выстраивать свои растральные миры, ведя за собой толпы иных, но я не лишён того уровня воображения, который мешает быть до конца совершенной в геймах ей, то и дело увязающей в сквишах и мраках, расставленных в том числе и моим аплевелингом. И пусть она часто не догадывается, что за ними стою я, но, когда меня нет, она ощущает скуку — ей не хватает драйва, ибо свет к её восхождениям формирую за счет её энергии вместе с протагонистом Амадеем и я — как антагонист. И мне есть на чём подловить её в жизни и спустить с пьедестала тимлидерства. Об этом знает Янис, об этом — уверен — знает и Амадей. Он тоже следит за мной, хоть и не подаёт вида. Типа, сталкер: должен быть

над пилотирами.

<...>

На матимах нам запрещено общаться между собой. Даже вертами. Поэтому перед тем, как зайти в студиум, отключаемся — индикаторы сублима, слов и даже аффектов мимики здесь зашкаливают. К тому же я дал себе слово впредь не деплоиться.

Ра злится, но это хорошо, это часть моей с ней коммуникации. Во время пролепсиса я буду смотреть, как мелькает свет слайдсов по её профилю, вспыхивает золото её челки и не моргают ресницы вокруг её, словно загипнотизированных, глаз. Залив, яхта, чайки...

Сегодня весь день архитектура мира — тематический теориум. Это не про культуру и строительство, это о том, как устроен сеттинг бытия. Слайдсы по всему студиуму, звук в наших головах. На таких пространных курсах я всегда задаю себе вопрос: откуда вы всё это знаете, чтобы свидетельствовать столь категорично? Мир создан во взаимодействии энергии: истоки, развитие и сила энергии в воссоздании самой себя. Вакуум — это тоже форма энергии. Понятие “ничто” антинаучно. Непознаваемость — это явление, связанное с осознанием нашего несовершенства, она часть парадигмы смирения (так по алголу). В свою очередь, парадигма смирения — это общефилософская максима принятия устройства мира, обзереваемого нашим сознанием. Она

непреодолима в том энергетическом поле, в котором мы существуем. А менять энергетические поля мы способны пока что лишь локально. В этом цель научного познания. Мы должны стремиться к умиротворению энергии, а не к её бунту. Бунт энергии — это разрушение сложившегося мира и человека в нём. Энергия безучастна, она руководствуется только волнением внутри себя. Волнения энергии связаны со временем. Время сокращает силу энергии, приводит к её угасанию — мы стареем и умираем, порождая тленом материи новую энергию. Этот процесс всеобъемлющ — от каскадов мультивселенных до цветочного ростка и ничтожного бозона в его заложенном в биллионной степени энергетическом примакодисе развития.

На слайдах в затемнённом транспаренте студiums формулы энергетических полей. Формулы зарождения энергии, её формирования, функционирования, взаимодействия, распада и перерождения. Формулы регенерации концентрированной энергии в материю. Голос магистра, проговаривающий и объясняющий их, словно пропитывает сознание. Сами формулы медленно прописываются по сводам студiums, словно незримой кистью внутри аквариума, вплывающей железной вязью. Их фон — сначала бездонный макрокосмос, от образных пузырей в сотах мультивселенных ссужающийся взглядом демиурга в нашу вселенную — испещрённую туманностями со вспышками зажжённых звёзд, — затем в нашу галактику — в привычный нам земной мир — и

только потом в микрокосмос — расщепляющийся в молекулах и атомах на квазичастицы энергии в момент их квантового импульса. За этим явственным фоном сублиминальная подкладка смыслов; мы не видим её, угадываем и запоминаем подсознательно: человек не должен стремиться познать мир — мир непознаваем, наша задача — сохранить себя в этом мире, довольствуясь тем малым, что нам открыто. Мы совершенствуем свое зрение, совершенствуем свой ум ради того, чтобы быть мудрее, чтобы остановить процессы разрушения, процессы ненависти и нетерпимости, прежде всего, к самим себе в этом мире, который ещё осознаваем только лишь потому, что мы не позволяем себе самоликвидироваться... etc. В общем, как-то так.

С этого начинается каждая матима архитектуры мира. Это один из основных естественнонаучных циклов, обязательных в нашем образовании. Он многослоен и напичкан смежными знаниями. Потому что из энергии соткана не только биологическая жизнь, но и социальный институтиарий общества. Счастье человека — тоже энергия: путь к личному благополучию лежит через энергообмен индивидуума и социума. Энтелехия энергии и времени, помноженная на коэффициенты полезного действия во имя общественного блага, зачисляется в энерджи всех и каждого, формируя универсальные финансовые эквиваленты — энергоэфы, которыми выкладывается путь к социальным экспа. Всех и каждого. Через энергию мы изучаем диалектику и метафизи-

ку мира, познаём логику и мудрость общественного устройства, которое ныне и впредь запрограммировано от скатывания к конфликтам и деструкции. Позитивное мышление — ключ к умиротворению энергетических полей. Справедливость заложена в транспарентности общественных отношений, в их прогнозируемости. Конфликты купируются в зачатке, выбросы даже эмоциональной негативной энергии недопустимы и пресекаются на уровне низших сетов контакта: допустив, следует осознать, детерминировать и не позволить негативной энергии репродуцировать в процессе. Демократия — это порядок, основанный на осознании того, что энергия каждого не провоцирует бунт многих. Это закон реки, которая всеми своими водами в одном русле течёт по направлению к морю. Ты можешь быть недоволен — никто не запрещает: человек подвержен приливам разных энтропий. Но если чувствуешь обиду, не держи отрицательную энергию в себе: поделись ею с личным коммуникативным помощником в энерджи — и обязательно получишь алгоритм негэнтропии. Если система неправа — она исправится, если неправ ты в этой системе — тебе укажут, что ты неправ, и также направят алгоритм позитивных действий. Если же и это не возымеет эффект, включаются другие механизмы. Какие? В лучшем случае, тебя отключат от энерджи, в худшем... о таких механизмах никто не говорит — смыслы об этом не соответствуют кодексу позитивного мышления...

Такие научные сквиши, но без них — никак. От того, как

ты освоишь эти амбиджус-смыслы, сведённые к одному знаменателю, зависит твоё будущее. Поэтому заставляешь себя вникать, анализируя и запоминая структуру энергетических взаимоотношений в логосных надстройках: “отношение к жизни: горизонты осмысления сущего”, “личность и общество: позитивное и негативное”, “баланс и дисбаланс энергии”, “энергия психологической сдержанности и самоанализ”, “эйфория и эндорфиновые струны: теория самобмана”, “энергетические финансовые потоки”, “энергетическая экономика: энерджи субъекта и общества” — и это только части объемного целого, формирующего личностные и профессиональные компетенции! Теоретические матимы перемежаются с практикумами, догмариумами с экзитом в грейд-экзамен. Последний этап — нубели — самый сложный: социальные задачи, если они решены в требуемых алгоритмах, весомый плюс в твои энергетические профайлы. Задачи метапредметны, и, следовательно, от этих накапливающихся плюсов и минусов, занесённых в энерджи, зависит будущее каждого из нас в кампусе и после него.

Посему отвлекаться на матимах, к примеру, на провокации Яниса частыми касаниями рук, поднятой бровью или искривлением губ посылающего триггеры неугомонного в стойле жеребца (ха-ха... так по алголу) себе дороже. А Яни такой — гвинипиг. Иногда кажется, что ему всё равно, как сложится его жизнь: живёт одним днём, как мотылёк...

А ещё мысли о науке не отвлекают от профиля Ра. Вот как сейчас. В мелькании слайдсов она сидит прямо, держит осанку, словно блез на ней отлит из твердого метакрилата и не даёт ей перейти в релакс. Только эта горделивая посадка вкупе с утончённостью талии и головы выдаёт в ней девичьи черты. Она слушает внимательно и в этом своём стремлении быть счастливой в будущем похожа на куклу-трансформер с мыслительным ревью. Она созвучна голосу магистра: когда-то природная энергия, зародив на нашей планете жизнь, вдохнула в процессы эволюции код энергетического притяжения мужского и женского начал. Молодец, магистр! Хотя бы этим я могу оправдывать своё влечение к женской энергетической сути Раи. Как я понимаю, оно, это влечение, естественно. В нём нет социального порока. Порок в несдержанности. Но разве я не имею права позволить себе хотя бы помечтать? Имею — в этом меня пока никто не слышит. По крайней мере, я так думаю... В способности воображать меня не ограничивают ни тугой блез, ни воспитание, ни нравственные апдейты. Вы же сами говорите об эпохе смирения перед непознаваемым! Я принимаю мир таким, каким его вижу и чувствую. Я также чувствую, что меня тянет к Ра — чувство подчас выше разума. И это, как я опять-таки понимаю, тоже естественный процесс. Он заложен энергией жизни. Ведь естественность, как и способность мечтать, ещё никто не назвал преступлением? Чувства, как и разум, спровоцированы энергией. Ведь вы об этом? Я не смею задавать

вопрос о том, кто является прародителем такой энергии и таких принципов её работы, — это область непознаваемого. Таковы правила игры, и я их принимаю, чтобы не навредить себе: эра смирения так эра смирения! Но когда моя естественность сталкивается с неестественностью — как относиться к такому дискомфорту? Кому задать такой вопрос, чтобы не оказаться в black box'e? Это позитивная энергия или негативная? Энтропия или негэнтропия? Рождаю ли я этим энергетический бунт внутри себя? И следует ли мне обращаться в комьюнити к файдс-боту, чтобы он указал алгоритм экзита из этого сквиша? Написаны ли вообще алгоритмы на эту тему?

И самое главное: к какому энергетическому богу обратиться мне, чтобы узнать, кто она, эта ромашковая кукла с мыслительным ревью по имени Раиса?!

<...>

Янис мне понятен больше. Он, конечно, конченный ламер, но с ним всегда весело. Живет настоящим, наслаждаясь каждым днём, и то, что в министерстве судеб, как видно, на нём давно поставили крест (так по алголу), его особо уже не беспокоит. Он смирился с тем, что вне контекста. Х-ха! Кстати, вот уж кто может выступить ярким примером социального смирения, так это Яни! Конкретный гвинипиг! Гвинипиг, возведённый в степени!

Самое интересное, что он меня считает по степеням не

ниже тех, которыми оцениваю его я. На этом, видимо, и сошлись. Хотя у меня большие планы на будущее. А Яни, если не полный шлам, то точно — ниже фреймворка. Такая у него роль. Какая роль у меня — я пока не знаю, поэтому-то и трепыхаюсь. В этих сомнениях — мои баги: меня пока рассматривают, и только в этом я чувствую себя гвинипигом. Может, потому мне и не присуждают статус инициата: я подозрителен — кемпер. Других обоснований у меня нет. Чем я хуже Амадея, Ра или тех же Бориса и Артура — моих одноклассников, которые уже выбраны для поступления в академус? Только ли потому, что я не сертифицирован? Амадей тоже верус, но он достиг многого — его путь освещён! Значит, не в этом дело, существует во мне какая-то другая ущербность... То, что я общаюсь с прадедом? Да ну, это же по слопу: прадед ветеран, его жизнь на излёте, они знают, что я не воспринимаю его мнение всерьёз. Я говорил об этом и с Марианной, и даже с Эйвоном Ивановичем. Не зря даже Эйвон троллит меня дедулей — в этой издёвке определённая форма признания того, что я безвреден. Иначе бы они ограничили мне доступ к комьюнити и не открывали бы ролевые пиксы в геймах, предоставляя возможности проецирования виртуального пространства и времени. Как это сделали, например, Янису, затемнив ему горизонты и чётко определив в роли вечного фолловера в манипуле. Они видят в нём не ментальную червоточину, а нефункциональность — badFoo X. Как-то так. Во многом по этой причине Янис мой компаньон: ар-

хитектура психотипов присвоила нам функцию совместно-го глю. Чтобы я вёл его, не давая сбиваться в оксидомные мраки. То же доверие: ведь два — по свойствам — шлама явно не выйдут к эндорфиновым эйфам: кто-то из них должен указывать путь? И в нашей паре это я. Или я чего-то не понимаю? Или они так играют со мной? А Янис лишь умбра — коррелирующий ко мне?

Наверное, опять-таки прав мой прадед, когда говорит, что они боятся нашей способности конструировать креатив:

— Ваш рантайм имеет такое же отношение к реальности, как морская свинка к морю. Вы живёте в мире навязанных смыслов и образов. Вы окончательно разучились мыслить самостоятельно, разучились мечтать. Человечество превращается в клонированный планктон. В косплей человеческого. Из этого планктона производят энергию те, кто на вершине, кто не ограничен алгоритмами сертификации. Царят законы искусственного отбора, когда достойными и лучшими признаются те, кто запрограммирован — запрограммирован на истину, которая признаётся и транслируется единственной в безыстинном мире. Эти запрограммированные вожди управляют вами. Ими же самими управляют иные инициаты — высшего статуса, с вершин взирающие на нас, избавленные от нейроморфии — избавленные от всего, кроме страха мятежа против них. Иногда кажется, что они и не люди уже, а некая энергетическая субстантивность, которая питается энергией людей. Питается человеческим энергетиче-

ским планктоном... Те же, кто ещё мнит себя человеками, являются для них опасностью — в них кроется потенциальная мятежность против навязанной алгоритмики жизни: такие люди не покрываются светом их истины и — вольно или невольно — тяготеют уйти во мрак из-под их ослепляющих прожекторов и вездесущих сенсоров.

Когда дедуля выстраивает коннект подобно, я невольно поглядываю в сторону комьюнити. Он это видит и улыбается:

— Почему я не соблюдаю деплоинг — ты об этом? А зачем? Комьюнити не в экстерьере вокруг нас, оно у нас в головах. Они у нас в головах: слышат и знают каждого. Не думай, что эти Эйвоны Ивановичи видят и слышат тебя только в кампусе или в ваших геймах. Они чувствуют нас, как когда-то собаки чувствовали запах мяса, только на энергетическом уровне. Наши мысли — это тоже энергия. И что бы ты ни отправлял вертами в комьюнити, ни говорил вслух о прекрасном мире, который они создали, они услышат тебя не по словам твоим, не по мыслям, услышат по чувствам, по предчувствиям — по ветру подсознания, которым ты только рефлексируешь. Если не сейчас, то завтра — обязательно услышат. Так какой смысл скрывать от них то, что ты о них думаешь? Правда, Эйвон?

Вбросив этот вопрос — вбросив словами по алголу так громко, что я с непривычки зажмурился, дедуля повернулся и подмигнул комьюнити на столе.

— Эклипс всем нам в фалл, когда-то мы и подумать не могли, что эти Эйвоны начнут управлять нами! Так скоро... Ведь все технологии внедрялись на наших глазах. Мы смели гордиться и восторгаться ими! Кто-то говорил: не к добру. Мудрые учёные и технологи стартапов били тревогу, но, как водится, *sordidi faeneratores pecuniae*²⁴ от науки и военной промышленности — чёртовы достигаторы — самодовольно набивали фраги... Мы понимали все опасения, но наше недоверие друг к другу было выше здравого ума: каждое государство считало, что, разработав нейроидов, станет продвинутым и передовым, даст мощный импульс экономике и обеспечит свою безопасность. Отстать — значило проиграть, обречь себя на то, чтобы стать жертвой. Так было с развитием атома, так стало и с квантами. Мы боялись себе подобных больше, чем разума технологий! Парадоксально, но это так! Глупая и подлая человеческая природа! Мы мечтали, что нейроморфия сделает нашу жизнь комфортнее и безопаснее: улучшит производительность труда и разрешит проблемы социального неравенства. Но в очередной раз в своей истории включили режим утопии! Такие челенджи не внедряются в генерации — в такие, как наша, в которых полным-полно злой и завистливой человеческой массы, толкающей локтями! Нас было слишком много, чтобы враз разрушить сложившийся человеческий рынок труда и заменить его роботизированным пайплайном — слишком много, что-

²⁴ Подлые ростовщики (лат.)

бы рассчитывать на то, что кто-то не останется на обочине жизни и не полезет от безысходности на баррикады... Мы сами возвели в самих себе к самим себе злобу и зависть в неограниченную степень и пожали плоды очередного своего коллективного идиотизма! А потом на руинах в бессчётный раз принялись создавать новый мир...

<...>

Нарри не даст соврать: в личном файдс-боте моего прадеда встроена самая продвинутая функция по кэнселу памяти — иначе не хватило бы всех серверов комьюнити в планетарном масштабе, чтобы записывать его мысли на этот счёт! Бла-бла-бла и бла-бла-бла. Таков мой дедуля! Почему в старости в каждом просыпается мессия? И эти пророчества... задним числом... словно из заднего места? Как будто наше поколение виновато в том, что всё так случилось! Х-ха...

{Эй, слышите меня:

я не воспринимаю прадеда всерьёз!

Да и не говорит он ничего такого, о чём бы не говорили нам в кампусе.

В прошлом нет истины, очарование прошлого овеяно дымами войны,

всё лучшее — в настоящем, из которого складывается будущее ...ехес }

Дедуля прав только в одном: нас разучили мечтать. Когда

я смотрю на людей вокруг, смотрю на Амадея, Бориса, Артура, Сусанну, Роксолану, Яниса, Марианну и всех иных... смотрю на Раису, я убеждаюсь в этом. Мечтать так, как ещё умели во времена юности моего предка.

Мечтать или всё же выдумывать миражи — всё тот же, по сути, фейккрем?

<...>

Впрочем, многого мы и не знаем: в кампусе о недалёком прошлом не вдаются в исторический контекст... (Так транслитерирует алгол) Мне запомнился рассказ прадеда о том, как в канун первой войны перед угрозой тактической ядерной атаки всем городом их согнали в бомбоубежища. Они сидели в замкнутых пространствах месяцами — сидели, как испуганные мыши, — и выдумывали себе, как устроена смерть.

— Не философствовали, как это часто бывало тогда, укрывшись пледом у камина или откинувшись в ночи на спинку кресла у компьютеров, а реально отсчитывая дни до того предела, когда должны закончиться еда, электричество и кислород. Мы даже не знали, случилась ли катастрофа, но уже считали дни, как шаги, представляя, что нас ждёт за тем пределом. На самом деле апокалипсис случился в наших умах, когда солнечный свет над головами сокрыла долгая бетонная красная полутьма. Кто-то рыдал, кто-то кричал, кто-то молчал. Кто-то впадал в безумие — и их уводили. А кто-

то верил, что всё обойдется, и крепился духом. Проклятое чувство — чувство надежды... До сих пор помню то своё состояние: сначала грызла ненависть — ненависть к тем, кто обрёк мою юность на такое испытание... не поверишь, просил выпустить меня наружу, нарядить в спецкостюм и выдать оружие (в этом меня услышат спустя время). Потом пришло смирение и обволокла тягучая вера в то, что терпением мы обретём право снова увидеть небо — каким бы оно нам ни представилось. Я сжал волю в кулак и стал жить ожиданием, находя утешение... в книгах. Да... в простых бумажных книгах, полки с которыми прогнозисты и психологи от государственных устроителей бункеров предусмотрительно разместили в стальных нишах бомбоубежища. Не в электронных гаджетах, которые непробудно уснули без электричества, не в бесконечных апокалиптических шептаниях друг с другом, пресытивших за первые недели, не в прочей хиромантии... да, в прямом смысле: я помню кружок из фемин, в котором они, как сектанты, вызывали дух какого-то великого Стива, моля его вернуть им коннект с Полиграмом... или как там он тогда назывался? И этот парень напротив... да, так было...

Нас же, кто не впадал в безумие и рассчитывал жить, спасли последующее молчание, общение с собой и книгами! Это кажется странным, особенно сегодня, когда вы даже не знаете, что значит читать... элементарно читать, самостоятельно формируя в сознании из текста уникальные образы, доступные только воображению. Без придуманных иными идеоло-

гами слайдсов, героев и впечатлений — без тотальных стереотипов и сублимационных нейротропов! Ведь вы как модифицированная саранча — жрёте, что дают. А отключи всё искусственное — электроэнергию, глобальную сеть, трансляционные и сублимационные tutorиалы, весь кричащий экстерьер бытия — слепота, отчаяние, паника, безумие сведут вас к обрывам безо всякого оружия массового уничтожения...

Они так сделали неслучайно! Ещё сто лет назад мы начали забывать, что такое книги, оглядываясь на книжные полки, книжные магазины и библиотеки как на рудименты. Смеясь над единицами читающих. Да что там... я сам перед тем, как оказаться в бомбоубежище, брал в руки бумажную книгу в последний раз в школе за десяток лет до того. В бомбоубежище же ничего не стало — словно задвинули бетонными створками большие панорамные окна привычного мира: ни привычного света, ни электронных сетей, ни гаджетов с информационной канализацией. Вдруг не стало ни привычного комфортного быта, ни рутинного распорядка жизни — как будто она дана навечно, и самое главное — не стало этих сытых, радужных в своей мирской скуке людей, изнеженных лайфстайлом квартир, офисов, городского неона — людей, напоминавших жвачных коров из альпийской пасторали. Я сидел на своей многоярусной стальной койке в красном мерцающем освещении бункера и смотрел на сонмы внезапно ужаснувшихся человек — потрясённых отчаянием, снеда-

емых унынием из-за того, что у них забрали привычный игрушечный мир. Многие просто сидели, как зачахшие розы, и тупо смотрели в свои потухшие гаджеты, словно пытаясь таким гипнотическим влиянием вселить в них энергию. Некоторые разговаривали с экранами или машинально свайпили и стучали ноготками по потухшим стёклам, воображая, что всё как прежде...

Лишь те, кто ещё в отголосках помнил о механике чтения, обратились к книжным полкам. Красного света хватало едва-едва, но его было достаточно для того, чтобы человек, открыв бумажные страницы, пахнущие типографской краской и пылью, точно открывал окна в утраченный мир, обращая своё сознание снова к солнцу, снова к небу, снова к ещё не забытым чувствам, которые так тянули обратно — к такой привычной прошлой жизни!

<...>

Наверное, я прихожу к дедуле ради такого его концепта. С ним больше никто не общается на эти темы, ну, разве что личный файдс-бот под видом Нарри и курьеры, которых он вызывает ради фудпринтинга. Из своей комнаты сквозь прозрачные стены, когда он располагает настроением открывать свой кластер, я вижу, как прадед выходит на литракон балкона и, опорожняя курьерский багажный отсек, заговаривает с этими нейроморфными пчёлами. Так и болтают: дед с балкона, разговаривая с пустотой, обрывающейся

в желеино жужжащий полис, и эта пустота, спроецированная в образе зависшего у балкона морфа, отвечающего ему сервисными фразами. Мне становится жалко прадеда, и я, если не занят, иду к нему. Он радуется моему приходу, отгоняет Нарри, который по всем повадкам вроде кот, и переключается в разговорах уже на меня. Когда он умрёт? Судя по всему, этот вопрос мучает и систему — раз они предлагают ему крионику... ха-ха — типа, пусть следующие поколения терпят его дисплейс! Но, похоже, он не собирается, хотя на этом свете дел-то у него и не осталось. Кроме того, чтобы вспоминать. И баттхёртить настоящий мир.

— Респект тем, кто оснащал тогда бомбоубежища: они были большими анестезиологами... или точнее — паллиативными психотерапевтами. Точно знали: людей начнёт выворачивать наизнанку. Поэтому и книги подбирали соответствующие: о природе, о любви, о смирении — с окружающим и с самим собой. Тора, Библия и Коран, буддистские и индуистские сакральные тексты, древнегреческая мифология и философия, Гомер, Сервантес, Данте, Достоевский, Толстой, Куприн, Бунин, Паустовский, Пришвин... они за чем-то сохранили во мне эти имена. Станные ныне имена — пыль веков! Книги о самопознании, книги о космосе, о природе, книги о Боге — до сих пор вижу их корочки в нишах стен, вложенные так плотно, что приходилось прилагать усилия, чтобы рукой уныния вытащить их и сократить время. Туда снесли целую библиотеку, точно вместе с

людьми хотели сохранить и книги... И, конечно же, поэзия. Кто бы читал её в мирное суетное время? Но без электричества и электронных сетей, без беготни и ничтожной рутины, освещённой солнцем, когда ради обыденных целей забываешь, что смертен, остались только книги. И лишь в таких непредугаданных условиях человеческий глаз и ум снова обратились к поэзии! Я видел, с каким удивлением открывали для себя мир воображения и чувств brutальные мужики, сроду не бравшие книг, как откидывали свалаявшиеся без парикмахерских пряди и плакали, читая, ещё недавно гламурные женщины, чьи чаяния транслировались через призму ухоженных ноготков, брюликов и тюнинга писи, как молодёжь — все эти офисные стрекозы и фембои — вертя свои уснувшие гаджеты, долго приглядывались к книжным полкам, чтобы потом всё же брезгливо вытащить бумажный кирпич и, заставляя себя учиться читать, пробуждать неизведанные впечатления от общения с самими собой! Конечно, по отношению к ним это был своего рода паноптикум изумательства: они насиловали себя, борясь с хандрой, отчаянием и сплином — со всем дэдинсайдом... но это было необходимое горькое лекарство всем нам. Как воздаяние за грехи!

Пушкин... Представляешь, я читал Пушкина! Сидел в красном свете бомбоубежища, читал ветхие строки и слышал звон хрусталя (так по алголу). Так чисто и звонко звучали слова и строки пушкинской поэзии в моём сознании тогда — помню до сих пор! И занавешивался бесперспектив-

ный мир вокруг былым очарованием: с круговертью дней, освещённых солнцем, с щебетом птиц, со сменой сезонов с дождями и снегом, со смехом фемин в майских платьях и их томностью в вечерних свечах — в кружеве ничтожных, как выяснилось, человеческих страстей, которыми мы усложняли себе жизнь, не думая о том, что ждут нас обстоятельства, оказавшись в которых всё то — в неоценённом прошлом — будет вспоминаться нами за счастье...

...Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.
Ты, все душевные способности губя,
Нас мучишь; как поля, мы страждем от засухи;
Лишь как бы напоить, да освежить себя —
Иной в нас мысли нет, и жаль зимы старухи,
И, проводив её блинами и вином,
Поминки ей творим мороженым и льдом.²⁵

До сих пор с тех дней запомнил эти строки! Какая чепуха, казалось мне, какие слопы обуревали впечатления поэтов в доатомную пору!

Дни поздней осени бранят обыкновенно,
Но мне она мила, читатель дорогой,
Красою тихою, блистающей смиренно.
Так нелюбимое дитя в семье родной
К себе меня влечёт. Сказать вам откровенно,
Из годовых времён я рад лишь ей одной,

²⁵ Из стихотворения А.С. Пушкина “Осень” (здесь и далее).

В ней много доброго; любовник не тщеславный,
Я нечто в ней нашёл мечтою своенравной.

А потом я вник, и в этих, словно залитых кровью, огнях
бомбоубежища вдруг втянулся в шёпот строк, точно выпал
из реальности — такой скудной в своём повсеместном отча-
янии и страхе. Впрочем, другого и не оставалось тогда.

Как это объяснить? Мне нравится она,
Как, вероятно, вам чахоточная дева
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бедняжка клонится без ропота, без гнева.
Улыбка на устах увянувших видна;
Могильной пропасти она не слышит зева;
Играет на лице ещё багровый цвет.
Она жива ещё сегодня, завтра нет.

Это он об осени, чёрт побери! О настоящей, живой осе-
ни, созданной природой! Мы ещё хорошо помнили те крас-
ки истинной природы, не омрачённой, не испоганенной че-
ловеческим безумием... Интересно, что бы слагал Пушкин
ныне — среди стеклянных стен искусственных дендрариев,
повисших над тёмными водами прежних рек, ущербно ско-
ванных метакрилатом, как в музеях ограждают раритеты от
праздных рук людских?

Унылая пора! очей очарованье!
Приятна мне твоя прощальная краса —
Люблю я пышное природы увяданье,
В багрец и в золото одетые леса,

В их сенях ветра шум и свежее дыхание,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И редкий солнца луч, и первые морозы,
И отдалённые седой зимы угрозы.

Помню, я поправил дедулю.

— Что? — переспросил он по алголу.

— “Прекрасная пора! очей очарованье!”. Ты ошибся, у Пушкина в стихотворении пора прекрасная. Мы знаем эти строки такими.

Прадед задумался на секунду. Приподнялся на трансформной кровати, невольно, как от стянутости, отслоил блез на своей седой старческой груди и ответил, саркастично улыбаясь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.